

НОВЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Дмитрий
РАСПОПОВ

РЕМЕСЛЕННИКИ
ДУШ
ИСПОВЕДНИКИ

Новый фантастический боевик (Эксмо)

Дмитрий Распопов
**Ремесленники
душ. Исповедники**

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Распопов Д. В.

Ремесленники душ. Исповедники / Д. В. Распопов —
«Эксмо», 2018 — (Новый фантастический боевик (Эксмо))

Успехи в Ремесле привели Рэджинальда в круг избранных, на которых держится мощь империи. Лишь Исповедники в силах делать неживые вещи живыми, переселяя в них души. Инспектор Дрейк вновь просит помощи в расследовании, и Рэдж не откажет другу. Император ждет завершения грандиозного военного проекта, а Рэджинальд надеется на обещанную свободу. Но идет война, и чем совершеннее его смертоносное мастерство, тем призрачнее шансы, что империя отпустит столь ценный кадр. Стены золотой клетки сужаются, но юный Исповедник готов разрушить их ради спасения дорогой ему девушки...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Распопов Д. В., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	16
Глава 3	26
Глава 4	36
Глава 5	45
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Дмитрий Распопов

Ремесленники душ. Исповедники

© Распопов Д.В., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Пролог

Я открыл глаза. Яркое солнце светило в окна, а его лучи пробивались через тонкие занавески, освещая комнату и падая на кровать, светя при этом мне прямо в лицо. Вчерашний день, наполненный новыми впечатлениями и переживаниями, казался словно прошедшим во сне, настолько это было нереальным. Металлическая собака, исповедники, которые могут каким-то образом переселять души, – все это отдавало мистикой. К сожалению, своим глазам трудно было не верить, доказательства оказались более чем убедительными, ведь я внимательно осмотрел механическое произведение искусства с разрешения Энни, но, кроме железа и стекла, внутри не обнаружил ничего, что могло оживить механизм. Похоже, я действительно слишком много о себе возомнил, за что и поплатился, выставив себя перед всеми самодовольным дураком.

«Да уж... – Я физически почувствовал, как от вчерашних воспоминаний у меня начали гореть уши. – Больше я такой ошибки не повторю, сначала буду слушать, а потом рот открывать».

Переживания за свое поведение полностью прогнали сон, нужно было подниматься. Как вчера сказал сэр Энтони – сегодня у меня будет ознакомительный день, поэтому могу выпасться и позвать слуг, когда пожелаю, чем я, собственно говоря, и воспользовался.

Опустив ноги с кровати, я приятно удивился, когда увидел на вешалке рядом с кроватью свой чистый и отглаженный костюм, а ведь я прекрасно помнил, что вчера, не найдя вешалок, просто повесил всю одежду на стул. Сегодня же в комнате оказались не только чистые и аккуратно сложенные вещи, но и вешалка со шкафом, а самое главное – я не слышал, когда их заносили.

На резном деревянном столике у кровати я увидел небольшой серебряный колокольчик, который отозвался мелодичным звоном, стоило мне в него позвонить. Не успел я вернуть его на место, как дверь открылась и в комнату вошли две служанки. Обе были одеты в закрытые по горло черные платья с белыми манжетами, фартуком и чепчиками.

– Доброе утро, господин ван Дир, – поздоровались они и замолчали, позволяя мне рассмотреть себя лучше. Ближняя девушка была симпатичной и мне понравилась, вторая же была, как говорится, «молочной» породы – толстушка с широкой костью.

– Доброе утро, где можно помыться?

– Можете привести себя в порядок в ванной, сэр. Мы можем принести все сюда, – быстро ответила первая, – как вам будет удобно.

– Проводите меня, пожалуйста, – попросил я. – Только у меня с собой мало вещей и нет принадлежностей для ванны.

– Там все есть, сэр, – чуть хриплым голосом ответила толстушка, подходя к двери и придерживая ее для меня.

То помещение, куда они меня привели, можно было назвать ванной лишь условно. На самом деле этажом ниже и чуть правее комнат слуг располагалось целое банное крыло, в котором были и общие комнаты для мытья, и индивидуальные кабинки. Кроме меня, здесь никого не было, поэтому, воспользовавшись мылом и жесткой мочалкой, я быстро привел себя в порядок, совсем немного поблаженствовав в воде, не решаясь затягивать процедуры – пора и честь знать. Нужно было настраиваться на учебу. Когда я вернулся, у кровати стоял столик с легким завтраком из яичницы с беконом и черным чаем со сладкими пирожками. Еще раз поразившись предупредительности местных слуг, я попросил сообщить сэру Энтони, что готов и хочу с ним встретиться.

Ждать пришлось около часа. За это время я успел выйти на балкон, который, оказывается, имелся в моей комнате. Он скрывался за широкой шторой, отодвинув которую я

наткнулся на большие створки. Я потянул за ручку, створки натужно скрипнули, и в комнату ворвался свежий осенний воздух. Я осмотрелся и понял, что нахожусь в чьей-то резиденции, отгороженной от мира, хотя за высоким кирпичным забором находились серые правительственные здания, а справа виднелись Темза и парк.

– Добрый день, Рэджинальд. – Раздавшийся голос заставил меня вздрогнуть. Я так глубоко погрузился в раздумья о своей новой жизни, что не заметил, как сзади ко мне подошли. Я быстро повернулся и увидел вчерашнего старика.

– Как спалось?

– Спасибо, сэр, все хорошо. Я выспался, отдохнул, готов к работе и учебе, – бодро отпартовал я.

– Отлично, – улыбнулся старик и потянулся к карману сюртука. Вытащив из него пенсне (только в этот раз с обычными стеклами) и водрузив его себе на нос, он внимательно посмотрел на меня так, что мне стало не по себе.

«Словно лошадь на продажу».

– Отлично, – повторил он и, зайдя в комнату, поманил меня рукой. Там он подошел к столу и звонком вызвал прислугу. Вот только вместо двух девушек-служанок в комнату зашла Элиза ван Ленд с незнакомым мне мужчиной, который вел за собой на поводке маленькую вислоухую собаку.

– Знакомься, Рэджинальд. – Старик усмехнулся, пожевав пышные белые усы. – С мисс Элизой ван Ленд вы знакомы, а это мистер Эрик Стоун и Айда.

Я приветливо улыбнулся Элизе. Но та в ответ даже не посмотрела на меня, что было странно, ведь при последней встрече она была более благосклонна.

– Рэджинальд ван Дир. – Я не стал обращать внимания на девичьи закидоны, а просто протянул руку мужчине. Он выглядел лет на пять старше меня.

– Эрик Стоун, сэр, – косясь почему-то на Элизу, ответил он.

– Можете пока выйти, – распорядился старик и, дождавшись, когда те покинут комнату, присел в кресло рядом с трюмо.

– Элиза с этого дня твоя личная служанка. Она будет удовлетворять все твои потребности, в том числе мужские, – буднично сказал он, из-за чего у меня отвалилась челюсть и пропал дар речи. – Стоун – неплохой малый, только ленив, как черт, но из инженеров лучший, кто у нас есть на текущий момент. Так что постарайся сработаться с ним. Ну и, конечно, Айда, она будет теперь с тобой всегда. Тебе полагается гулять с ней, кормить и баловать. Собака к концу года должна быть предана только тебе, это понятно?

– Эм-м, сэр, насчет первого я не совсем понял, – промямлил я, стараясь не встречаться с его насмешливым взглядом. – Элиза – дворянка, как она может быть мне служанкой, да еще и удовлетворять меня?

– Очень просто, ученик исповедника, – ответил старик, пожав плечами. – Ляжет на спину, раздвинет ноги и даст тебе. В общем, мы выбрали именно ее, поскольку вы хорошо знакомы и однокурсники говорили, что тебе она нравилась. Или ты против нашего выбора?

– Не против, конечно, только смутно представляю, как это будет, – честно признался я.

– Рэджинальд, – нахмурился старик, – давай я сразу тебе скажу, чтобы потом не было непониманий в дальнейшем. Теперь ты и твоя жизнь целиком принадлежат империи. Или ты думаешь, что тебя поселили в этом поместье и будут платить огромные деньги, холить и лелеять за красивые глазки?

– Нет, конечно, сэр.

– Ну тогда просто принимай, что тебе дают, и выкладывайся полностью на всех занятиях. Государство обеспечит тебя абсолютно всем, чтобы ты отныне ни на что постороннее не отвлекался. В том числе и на женщин. Если Элиза тебе не понравится, покажи, кто тебе нужен, и, если это будет возможно, сэр Артур ее тебе предоставит.

– Как же вы ее уговорили?

Его взгляд потемнел, так что я быстро замахал руками:

– Нет-нет, сэр, мне просто интересно, я совсем не против. Я сам хочу учиться и совершенствоваться. Вчера я слишком самонадеянно заявил, что знаю все.

– По-моему, ее отцу дали должность министра, – неопределенно ответил старик, – а семейству – лен во владение. Я не вдавался в эти подробности, меня они, как и тебя, не должны заботить.

– Сэр, я полностью ваш. – Я покорно склонил голову.

– Отлично, тогда бери собаку и пошли в мой кабинет, – вставая с кресла, распорядился он.

Глава 1

Ученик

Взяв поводок у хмурого Стоуна, который вместе с Элизой стоял за дверью комнаты, я пошел за своим новым учителем. Беспокойная собака постоянно дергала поводок, обнюхивая все углы. Я раньше не держал у себя животных – денег на это у нас не было, так что я толком не знал, что с ней делать.

Пока я пытался побороть собачье любопытство, мы спустились от моей комнаты вниз на первый этаж и прошли по коридору мимо обширного зала в другое крыло поместья. Богатство хозяина чувствовалось повсюду – золотые и серебряные подсвечники и ручки дверей, огромные картины, толстые ковры, по которым было непривычно ходить, а также множество слуг кругом. Значительно больше, чем требовалось для обеспечения жизни нескольких человек.

– Айда! – прикрикнул я на собаку, когда она попыталась присесть и помочиться на ковер. Собака дернулась и побежала за мной, не успев нагадить.

«Вот же навязали ее на мою голову».

– Проходи. – Сэр Энтони открыл дверь и пригласил меня в свою комнату. Оставив собаку на попечение слуги, я вошел внутрь. В отличие от моей комнаты, у сэра Энтони практически не было свободного места. Его комната превратилась из жилого помещения в лабораторию. Здесь стояли три разные модели аниматрона и лежали кучи странного вида железа и камней. Причем все было разбросано и навалено, создавая хаос, хотя наверняка сам старик ориентировался в нем очень хорошо, я это знал по себе.

– Думаю, для начала нужно устроить тебе экскурс в историю исповедников. – Он устроился в соседнем кресле и задумчиво опустил голову на сложенные руки. – Позже я дам тебе всю необходимую литературу для самостоятельного ознакомления, а сейчас расскажу тебе, для чего мы нужны государству. Не секрет, что на земле живут люди и Люди, – выделил он голосом. – Некоторые сильнее других, некоторые слабее. Сейчас я говорю о тех, кто ведет за собой других, командует, считает, можно ли послать на смерть тысячу солдат взамен клочка земли, который в будущем сможет предотвратить гибель десятков тысяч. Такие люди редко умирают стариками. Так вот, думаю, ты знаешь, что концентрация человеческой души разнится в зависимости от конкретного человека, а также его жизненного опыта. Как ты думаешь, какой будет концентрация души у меня?

– Думаю, очень большая, сэр. – Чтобы ответить на этот вопрос, мне даже не нужен был камень.

– Верно. Еще большей она будет у генерала, который прожил свою жизнь в боях, а теперь готовится отойти в мир иной.

– И как это связано с нами?

– Напрямую, мой мальчик. – Сэр Энтони посмотрел на меня немигающим взглядом, и у меня по спине пробежали мурашки. – Мы помогаем их душам не пропасть зря, а переселяем их туда, где они и после смерти смогут принести пользу своему отечеству. Например, в корабли, дирижабли, поезда.

– А что это дает? – Услышанное впечатлило меня. Об этом ходило много слухов, но никакой конкретики.

– Как думаешь, что будет более эффективно? Корабль, просто обслуживаемый экипажем, или тот, который чувствует все, что в нем происходит, понимает все, что делается, а также может в нужный момент направить снаряд в цель, внося более точные корректировки, чем люди.

– Разве такая самостоятельность не мешает экипажу? Я не говорю уже о том, что служить на корабле, который обладает волей человека, не всякому дано, – удивленно заметил я.

– Верно, на такие судна отбирается специальная команда. Ты никогда не встретишь там человека ниже чина капрала.

– Насколько оправданы такие расходы, сэр?

– Скажу лишь статистику. Корабль с подселенной душой и таким экипажем может сразить три десятка одного с собой класса кораблей, но без души.

– Что тогда мешает делать только такие корабли? Или проблема найти подходящую душу?

– Проблемы, Рэджинальд, подстерегают на всем пути создания такого симбионта, начиная от того, сможет ли исповедник найти нужную душу, сможет ли без искажений трансформировать ее и вселить, и заканчивая чисто техническими параметрами накопителей, куда она будет переселена.

– А поскольку началась война, то потребность в исповедниках выросла в разы, – догадался я о причине столь пристального внимания и свалившихся на меня благ. – У республиканцев много исповедников?

– Мыслишь в правильном направлении. – Сэр Энтони тепло мне улыбнулся. – Сейчас больший перевес у них, и нам всем нужно постараться, чтобы количество нашей техники не было меньшим, чем у них, не забывая, конечно, и о качестве.

– А как вообще можно преобразовать душу, чтобы она вселилась куда-либо? Можно ли вселить душу в другое тело? Можно ли вселить душу в механизм, а потом забрать ее оттуда и переселить в другой? – Вопросы посыпались из меня как горох. Новая тема, где я смог бы раскрыть себя, меня очень заинтересовала.

Старик внезапно рассмеялся.

– Теперь я понимаю, почему сэр Артур был в тебе так заинтересован, – проговорил он спустя минуту. – Думаю, с тобой будет проще, чем с другими моими учениками.

– Сэр?

– Я дам тебе две книги. Как прочитаешь их, мы снова встретимся. – Он взял со стола рядом с собой два потрепанных дневника и протянул мне. – Думаю, так процесс пойдет быстрее. Ты узнаешь многое из этих записей, и мы продолжим.

– Но, сэр Энтони, книги – это хорошо, но я хотел бы узнать от вас! Вы ведь, я так понял, самый опытный исповедник из всех, – взмолился я, не давая закончить наш разговор.

Он усмехнулся:

– Ну почему же? Сэр Дональд не менее почтенный и знающий исповедник, просто он менее общителен, чем я, так что мне и приходится заниматься новичками.

– Ответьте хотя бы на эти вопросы, сэр Энтони. И кстати, когда у нас будет практика?

– Ты опять задаешь слишком много вопросов, а наше дело не терпит суеты. Поверь мне. Отвечу тебе лишь на последний вопрос: твоя практика началась, как только ты ступил в мою комнату, так что, задавая вопросы, ты лишь напрасно тратишь свое время.

Я непонимающе посмотрел на него и тут же почувствовал, что этот разговор так меня обессилил, будто я бегал час или два, а ведь вошел в кабинет полный сил и энергии! Непонимающе я посмотрел на него, он лишь в ответ достал свой монокль с зелеными линзами паинита и, довольно улыбнувшись, протер его. Внезапно я вспомнил о том, что такое же состояние было у меня после сдачи налога! Быстро выхватив камень, я приложил его к глазам и посмотрел на сэра Энтони. Зелень его души была просто ослепительна! Широчайшая аура была не просто широкой – она занимала всю комнату. Мало того, отростки его души присосались ко мне, и по их тонким жгутикам-отросткам от меня к нему уходила душа!!! Пока мы разговаривали, он меня опустошал, даже не прикасаясь ко мне!!!

Я вскочил на ноги и попытался отмахнуться от его отрошков, но махать руками было, конечно же, бесполезно, и только вызвало его старческий и дребезжавший смех. Ярость накатила на меня.

– Прекратите сейчас же!! – Я кинулся к нему. Я не знал, как противостоять его методу опустошения, но у меня был свой, прекрасно опробованный.

Он спокойно дождался, когда я прикоснусь к нему, и я тут же понял свою ошибку. Если до этого его жгуты души были лишь тонкими и едва заметными, то едва я прикоснулся к нему рукой, его аура словно обняла меня, высасывая целиком.

Последнее, что я запомнил, была его довольная усмешка перед тем, как я потерял сознание.

В себя я приходил тяжело. Глаза не хотели открываться, словно залитые свинцом, а в горле было так сухо, что я первым делом захрипел:

– Пить...

На губах я тут же почувствовал влажную ткань и судорожно стал мять ее губами, стараясь выжать воду. С трудом разодрав веки, я увидел сидящую рядом с собой Элизу, державшую ложку, обернутую на конце тканью.

– Привет, – прохрипел я, не в состоянии двинуть ни рукой, ни ногой. Теперь я представлял, что испытывали те, кого досуха осушали, забирая максимум души. Помимо полной потери сил, я чувствовал странный холод, который охватывал все мое тело, хоть я и лежал укрытый одеялом. Особенно это ощущалось в области сердца. Казалось, мне на грудь положили кусочек льда.

– Доброе утро, Рэджинальд, – хоть и вежливо, но все же очень сухо сказала Элиза и, намочив еще раз ложку, дала мне освежить рот.

Когда горло было смочено, я вдобавок понял, что мой мочевого пузырь просто разрывается.

– Элиза, – промямлил я, – мне надо в туалет.

Она тут же встряхнулась и, нагнувшись под кровать, вытащила оттуда горшок.

– В туалет сходишь сам, – отрезала она и вышла из комнаты.

«Похоже, она не сильно довольна текущим положением вещей», – догадался я, справляя нужду и чувствуя себя значительно лучше.

Не успел я нагнуться и поставить горшок под кровать, как дверь отворилась и ко мне вошла знакомая по прошлой встрече девушка-исповедник. Она осмотрелась и подошла к кровати, плюхнувшись на нее всем телом.

– Эй! Осторожнее! Я тут болею все-таки! – возмутился я.

– Да ладно тебе, привыкай, – отмахнулась она от меня, – в таком состоянии ты будешь постоянно.

– В смысле?!

– Не сердись на сэра Энтони. Он всегда проверяет так реакцию новичков, я так же, как и ты, провалялась потом в кровати три дня.

– Три дня! Сколько же он из меня вытянул?!

– Две трети твоей души, – спокойно заявила она, как нечто самой собой разумеющееся.

– Зачем он это делает? – спросил я, когда ярость, вспыхнувшая во мне на старика, едва не перекинулась на девчонку.

– Слушай, а ты симпатичный, давай дружить? – внезапно огорошила меня она. – Я хоть и бывшая простолюдинка, но сейчас у меня и титул есть, и даже владения. Будем дружить?

Я опешил и пригляделся к ней. Младше меня совсем ненамного, она не была даже условно симпатичной: нос картошкой, крупные щеки, торчащие паклей короткие волосы – все выдавало в ней простолюдинку. Я не видел в девушках, с кем общался ранее, такого, как

у нее, пренебрежения к своей внешности. Даже дорогое платье совершенно ей не шло – она выглядела в нем как корова под красивым седлом.

– Дружить мы можем, – осторожно ответил я, – но как это отвечает на мой вопрос?

– Все просто: если мы будем дружить, я буду тебе помогать. – Она зажмурилась и наклонилась ко мне.

– Эй, ты чего?

Она открыла глаза и удивилась:

– Поцелуй меня! Ведь мы друзья теперь!

– Друзья не целуются, – твердо ответил я, отодвигаясь от нее. – Так близко мы не будем дружить, прости.

Девушка тут же спрыгнула с кровати и зло сверкнула глазами:

– Ты отказываешься от моей дружбы?

– Энни, дружба не заключается в поцелуях. Если ты росла с родителями, то знаешь, чем они занимаются по ночам. – Я постарался мягко намекнуть ей про секс.

– Спят, что ли? – Она разозлилась и стала едва ли не кричать: – У меня для этого есть Ганс! А я хочу дружбы и любви!

Тут уже настала моя очередь поражаться: «Она уже и спит с кем-то?!»

– Что за Ганс? – осторожно спросил я.

– Мой слуга, кто же еще! – Она отвернулась от меня и пошла к двери. – Я видела твою служанку. Она красивее меня. Теперь понятно, почему ты меня отверг.

Энни не дала мне ответить и вышла, сильно хлопнув дверью.

«Что тут вообще происходит?! Куда я попал?!» – Я устало опустил на подушки.

Отдохнуть мне не дали. Дверь снова открылась, и в комнату вошел человек, от одного вида которого моя кровь забурлила. Но поскольку я не смог с ним сладить в своем нормальном состоянии, то обессиленным не стоило и пытаться. Я лишь прищуренными глазами следил, как он берет кресло и ставит его рядом с кроватью, удобно в него усаживаясь.

– То, что ты не кидаешься на меня, определенно говорит о твоём уме, – спокойно заметил он. – И пока ты не начал сыпать вопросами и обвинениями, я спрошу: ты прочитал книги, что я тебе дал?

Я покосился на круглый столик у кровати: там лежали оба дневника в коричневых кожаных обложках.

– Нет.

– Отлично, тогда продолжим. – Он улыбнулся и остался сидеть на месте, а я почувствовал, как из меня снова начинают уходить силы. Камня, чтобы увидеть это, у меня с собой не было, так что скоро холод стал нарастать, и я отключился.

Первым же делом, когда я пришел в себя, я отпихнул ложку с тканью от своего рта и судорожно схватился за дневники и начал читать. Дернувшаяся от моего рывка Элиза расплескала воду из чашки на кровать, но мне было все равно, я больше не собирался просто так сдаваться старику.

Для начала я бегло прошелся по всему тексту обоих дневников, хватая урывками информацию, которая ранее повергла бы меня в шок, теперь же я судорожно искал ответ лишь на один вопрос – как защитить себя от чужой ауры!

– Нашел!!! – воскликнул я, когда наткнулся на нужный отрывок.

«Душа – не постоянный и целый объект, – говорилось в книге, – ее можно развивать, можно тренировать, можно обучать. Обученный человек может даже не мыслью, а лишь искрой мысли расширять зону контакта своей души с окружающим его миром. Нужны лишь желание, разум и постоянные тренировки. Далее я расскажу несколько эффективных приемов по высвобождению своей души».

Все приемы выглядели простыми, но, попытавшись, как было показано на одной из картинок, медленно и спокойно дышать, представляя, как моя душа начинает дышать вслед за мной, становясь все больше и шире, у меня ничего не получилось. Я попросил Элизу принести мне камень и зеркало, но сколько бы я ни пытался повторить изображенные приемы, аура моей души не сдвинулась от тела ни на дюйм.

Мою тренировку прервал старик, который пришел спустя два часа, опять уселся рядом и, не прикасаясь ко мне руками, лишил меня остатков сил. Самое противное было то, что я ничего не мог с ним сделать, и, когда очнулся, стал снова тренироваться, но он вскоре пришел опять. Это повторялось раз за разом.

От неподвижности на моем теле стали появляться красные пятна, которые начинали болеть с каждым днем все сильнее и сильнее, а мой разум настолько отупел от череды непрерывного опустошения и судорожных попыток научиться противостоять исповеднику, что в конце концов я просто выкинул обе книги от себя и посадил перед собой Элизу. Сначала я дотрагивался до нее, а как только душа ее отрывалась от ауры, я прекращал и увеличивал расстояние между ее рукой и своей, пытаюсь воздействовать на ее ауру так, как привык, и у меня это получилось!!! Сначала нехотя, едва заметно, но с каждым разом все легче. Моя ярость на старика стала похожа не на пылающий костер, а на жаркие угли, которые пусть не были такими эффектными, как огонь, визуально, но давали больше жара, стоило их только пошевелить. Вспоминая старика, я с каждым разом все больше и больше увеличивал расстояние между рукой и телом Элизы, когда наконец смог по своему желанию не увеличивать свою ауру, чтобы охватывать чужую, подобно моему противнику, а заставлять чужую душу устремляться ко мне. Странно было наблюдать, как по движению моей руки и желанию от тела другого человека отрывались тонкие полоски души и устремлялись ко мне, чтобы быть поглощенными. Моя радость от того, что у меня получается, компенсировалась тем, что Элиза начинала меня ненавидеть за подобные эксперименты над ней. Я видел это по ее взгляду. Она не могла не чувствовать, как слабеет ее тело. Слова и поступки Элизы стали резкими. Она больше не сидела рядом, когда я приходил в себя после визитов учителя, а старалась оказаться как можно дальше. Также она все чаще оставляла Айду со мной, не выводя ее гулять, и нередко бедная собака гадила прямо в комнате, получая тумаки от девушки, хотя не была виновата в том, что природу не победить. Я пытался урезонить Элизу и защитить Айду, и, пока собака была в комнате, это еще получалось, но, судя по тому, какой она возвращалась с прогулок, Элиза отрывалась на ней там, где я не видел этого. Это тоже выводило меня из себя, но, прикованный к постели, я ничего не мог с этим поделать. Проклятый старикашка так меня обессиливал, что, кроме занятий и тренировок, времени и сил ни на что другое не оставалось.

В очередной его приход, когда он уселся на стул и улыбнулся мне, замерев, я не стал ждать его атаки, а напал сам, протянув руку и потянув со всех своих сил его душу на себя. Без камня я не видел, что происходило, но прекрасно чувствовал упругое сопротивление своей воле, будто решил пойти навстречу ветру. Сопротивление нарастало, а силы мои иссякали. Я чувствовал всем телом, что, если отпущу и дам всего лишь миг послабления, старик тут же разобьет мою атаку и контратакует сам. Но давление внезапно прекратилось, а я устало опустил руку. Сил сражаться больше не было, я был выжат своими усилиями больше, чем если бы меня опустошили.

– Отлично, первый этап обучения закончен. – Старик внезапно встал с кресла и довольно улыбнулся: – Мы выяснили направленность твоего умения, теперь будем его расширять. Недельку тебе на отдых, откорм, и продолжим.

С этими словами он встал и ушел, оставив меня в глубоком недоумении от того, что сейчас произошло, а еще более от того, что я хоть и без сил, но не валяюсь бессознательным трупом на кровати после его прихода.

«Я смог! – Мысль осторожно, словно боясь спугнуть саму себя, просочилась в мое сознание. – Я смог ему противостоять! Пусть слабо, едва-едва, но смог!»

Радость и гордость за себя лишь на мгновение охватили меня, тут же омрачившись пониманием того, что, если бы все было всерьез, старик по-прежнему мог убить меня, просто находясь рядом. Я смог сдать урок, но неизвестно, на какую оценку.

В комнату вошла Элиза и с удивлением посмотрела на меня, видимо, не меньше меня удивившись факту, что я нахожусь в сознании.

– С тобой все нормально? – поинтересовалась она.

– Еды! Ванную! Чистое белье! – приказал я, несмотря на ее внезапно исказившееся лицо. Пусть привыкает к своему положению. Не нравится – пусть валит на все четыре стороны, желающих заменить ее будет предостаточно. Между делом старик рассказал мне, сколько им платят и что они и их семьи получают, если я смогу закончить обучение. Не каждый род в стране мог достичь такого и за всю жизнь, как просто поработав пару-тройку лет служанкой у выбравшего их исповедника.

Спустя три часа я, благоухающий, побритый и сытый, зашел в свою комнату и зажал нос от стоявшего в ней смрада испражнений и того запаха, который оставляет после себя тело долго лежащего человека, за которым не ухаживают. Я тут же собрал и выкинул в коридор все белье и ткани в комнате и настезь открыл оба окна и выход на террасу. Силы после стольких телодвижений покинули меня, и я устало присел на стул у трюмо, болезненно сморщившись, красные пятна на спине и ногах после ванной болели еще сильнее.

Я поднял взгляд и замер – в зеркале отражался незнакомец. Лишь взглядевшись лучше в знакомые черты, я понял, что обтянутый белой кожей череп с впалыми и сверкающими глазами – это я сам. Я невидяще протянул руку к зеркалу и дотронулся до него, словно пытаюсь понять, как я в это превратился. Зеркало охладило мои пальцы, а я второй рукой дотронулся до щек и носа. Отражение повторило мои движения, и я убедился, что все это не сон, а явь. В ванне меня побрил один из слуг, а пена не дала мне рассмотреть себя в воде, я ведь настолько привык к собственным худым и тощим конечностям, что не обращал на это внимания, пока не увидел себя в зеркале целиком.

«То-то его боязливый взгляд так бегал», – вспомнил я брадобрея.

Дверь отворилась, в комнату вошли, прошелестев тканью. По запаху вишни я понял, что это Элиза. Внезапно злость при виде собственного тела, а также на то, что Элиза все это время оставляла меня в таком состоянии, не пытаюсь помочь, нахлынула на меня, и я обернулся к этой чопорной дворянке, глядя прямо в глаза, и приказал:

– Подошла к кровати, закинула платье себе на голову, оперлась руками на постель!

– ЧТО!!! – Элиза вспыхнула, словно свеча, и наши взгляды схлестнулись. Моя злость на нее дополнилась тем, что вот сейчас, именно сейчас рухнули мои мечты и первая любовь вслед за ними. Я судорожно сжал кулаки и сам не понял, как стал наполняться силой, а она, наоборот, бледнеть.

«Я тяну ее душу!» – Я с трудом остановил себя, поскольку получаемый поток сил рос, а Элиза качнулась и оперлась рукой о стену.

Выпрямившись, она молча оттолкнулась от стены и выполнила все, что я сказал, вдобавок сняв с себя хлопковые панталончики. Мне совершенно не хотелось к ней прикасаться, так что я молча встал и вышел из комнаты – остаточные чувства по трепетно хранимому образу первой любви рухнули, как хрустальный замок, едва я закрыл за собой дверь.

Ночью меня разбудило горячее тело, которое прижалось ко мне и настойчиво снимало с меня одежду. Я не стал дергаться, а позволил Элизе сделать все за меня, испытав даже некоторое облегчение, когда она ушла и запах вишни стал слабеть в моей кровати. Удовольствие, которое я получил сейчас, было много меньше того, когда в школе я удовлетворял сам себя, представляя, что ласкаю тело девушки, которую люблю. Сейчас я вместо успокоения

и удовлетворения чувствовал лишь спокойствие члена и легкое томление после акта, ничего более.

«Анна, я по тебе соскучился... – Я закрыл глаза и вспомнил о своем друге. – Надо будет завтра спросить, можно ли написать ей письмо».

Глава 2

Второй этап

Выгуляв утром Айду и позавтракав, я направился в комнаты сэра Энтони. За прошедшую неделю ненависть к нему и его методам воспитания немного угасла, поэтому я смог сдержать себя в руках при виде его довольного лица. Он выглядел так, словно и не было изматывающих недель, когда я в прямом смысле слова боролся за свою жизнь, – он же всегда выглядел довольным и счастливым.

– Проходи, Рэджинальд, присаживайся. – Он кивнул мне на стул за столом, на котором было по-прежнему все навалено. Пришлось переложить часть железок и камней на другой стол. Только после того, как я протер освободившееся место и стол, я смог наконец устроиться.

– Как я и обещал, начинаем второй этап обучения. Удержание и сохранение в себе энергии. – Он кивнул на книги, которые я принес с собой: – Ты ведь все прочитал?

– Да, но мало что понял, нужны конкретные примеры, – сухо ответил я.

– Отлично, тогда начнем с примеров. – Он позвонил в колокольчик, и в помещение вошли две служанки. Сэр Энтони кивнул на них и сказал: – С каждой по трети.

Девушки недоуменно переглянулись, ведь его понял только я.

Как с Элизой, у меня пока не сильно получалось поглощать совсем без направляющих, так что пришлось вытянуть руку и ощутить знакомое чувство, когда тебя наполняет чужая энергия. Поскольку очков с паинитом у меня не было, пришлось контролировать поглощение, прикладывая камень к глазам, что, конечно же, выдало мои действия, к тому же девушки ощутили упадок сил и заволновались, жалостливо смотря то на сэра Энтони, то на меня.

Сэр Энтони ни взглядом, ни действием не выдал, что его хоть чуточку волнуют эти жалобные взгляды, он лишь внимательно наблюдал за мной через свой монокль. Вытянув ровно треть из каждой служанки, я посмотрел на него.

– Отлично, теперь читай вот эти книги, завтра утром продолжим, – сказал он, протягивая мне новые дневники, набранные печатным текстом.

– Это все? – удивился я. – В чем же тут подвох?

– Поймешь через два-три дня, – отрезал он. – Займись своими делами или лучше прочитай еще что-нибудь.

– Может быть, вы просто дадите мне допуск в свою библиотеку, чем кидать по зернышку каждый раз, когда заходите меня прикончить? – сыронизировал я.

– А ты что, готов читать не только то, что я даю? – удивился он.

– Вообще-то я для этого здесь нахожусь, – заметил я, – так что это сильно ускорит нам время, особенно если напишете, что мне лучше прочитать в первую очередь.

– Хорошо. – Он несколько раз кивнул. – Завтра все подготовлю, а пока – свободен.

На следующий день он и правда дал мне ключ от своей комнаты и список того, что мне нужно прочитать. Затем вызвал других служанок и заставил меня вытянуть у них еще по трети души. Так повторялось еще два дня, хотя уже на третий раз я понял, что меня вскоре ждет, потому что я уже испытывал на себе такое и нисколько не хотел повторения, поэтому усердно читал не только те книги, которые дал сэр Энтони, но и все время, что его не было в комнате, тратил на поиски полезных знаний. Нужно отметить, что рукописных тетрадей на полках его комнаты было большинство, причем там соседствовали как записи основателя ремесла, так и его учеников и последователей. Я чувствовал себя пчелой, залетевшей в цветочную оранжерею. Настолько обширных и разнообразных знаний я нигде и никогда

не видел. В них описывались как собственные изыскания ремесленников, так и их научные гипотезы и предположения. В принципе я нашел ответы на многие свои вопросы к сэру Энтони, а ведь я только начал читать! Как жаль, что никто не систематизировал эти разрозненные и обширные труды и не изложил их в виде доступной книги я каждый раз жалел об этом, продираясь через рукописный текст очередной тетради.

К сожалению, мое новое увлечение прерывалось учебой, и приходилось отвлекаться от книг и заниматься тем, что нужно было для повышения своей силы. В первую очередь мне нужно было найти решение задачи сэра Энтони, чтобы не умереть от смещения и хранения различных душ внутри себя. Уже на третий день я почувствовал лихорадку, меня бросало в пот, дыхание стало прерывистым. Из прочитанных книг я знал, что очень опытные аниманты могли не хуже любого прибора перемешать чужие души со своей аурой так, что на выходе может получиться чистая нейтральная эссенция, не приносящая вреда ремесленнику. Увы, с распространением аниматронов такие умения были практически утеряны и не практиковались, так как значительно быстрее, качественнее и безопаснее было использовать прибор, чем подвергать свою жизнь опасности с непонятным результатом на выходе.

Мне же приходилось учить методики борьбы с чужими душами. Я раскачивал собственную ауру, словно большой маятник, чтобы приводить чужие маятники душ, колеблющиеся с разными частотами, в одну слитную большую систему.

Сэр Энтони не собирался вмешиваться в этот процесс, пока у меня не получится привести свою непрерывно колеблющуюся, дерганую ауру в одну слитно «дышащую» систему. Он сказал, что мы будем повторять этот этап обучения столько раз, сколько будет нужно, даже если для этого я каждый раз буду сходить с ума от боли и раздражающего желания избавиться от наполнявшей меня энергии чужих душ.

Странно, но с этим уроком мне помогла справиться моя собака. Я привык к тому, что она постоянно со мной и всегда ластится, когда я бываю свободным. К тому же я честно выполнял все обязанности ее хозяина, хотя и не очень был этому рад. Кроме всего прочего, после той памятной ночи Элиза больше не приходила ко мне по ночам, днем же старательно делала вид, что ничего между нами не происходило. Приказывать ей мне не хотелось, так как я помнил, что в прошлый раз, раздавив и унизив ее, я просто не смог к ней потом прикоснуться. Повторять еще раз подобное меня не тянуло, так что собакой занимался я сам. И так случилось, что во время вечерней прогулки, когда Айда поела и нагулялась, стала ластиться ко мне, чтобы я ее почесал, я буквально физически почувствовал волны любви и обожания, которые она испускала. Именно это всепоглощающее чувство направило мои мысли о решении проблемы по новому руслу.

«А что, если не бороться с чужими душами, а полностью слиться с ними? Не давить, а дать им волю делать все, что они хотят, подстраивая не их под себя, а себя под них?»

Поскольку других вариантов решения у меня не было, я решил попробовать. Каждая душа имела свою частоту колебания и резонировала с моей, поэтому то, что моя душа перестала давить на частицу чужой одухотворенной энергии, сразу не решило проблемы. Позже я уже смог подстроиться сначала под одну частицу, затем под другую и так далее, и колебания слитых частиц стали задаваться моей душой как преобладающей силой. В конце концов все частицы внутри меня стали колебаться единообразно.

Когда я смог этого добиться, я почувствовал себя по-настоящему счастливым. Наконец-то обучение стало приносить мне удовольствие, а не только одну боль. Даже сэр Энтони удостоил меня скупой похвалой, когда я продемонстрировал ему свои результаты, слив получившуюся единую энергию души напрямую в аниматрон, газ в котором едва-едва подкрасился в зеленый, выдав на выходе эссенцию на бар больше, чем если бы я просто пропустил через него то, что поглотил сразу. Я теперь даже знал, почему мы это делаем. В прочитанных тетрадях были указаны все способы тренировки исповедников, и этот был нужен для того,

чтобы при поглощении и трансформации великой души исповедники не вносили в нее искажений, ведь даже малейшее несоответствие наших аур и их частоты колебаний на выходе может дать искаженную душу, не способную вспомнить себя или управлять механизмами. Так что именно потому, что я знал, что и для чего делает со мной сэр Энтони, злости и ненависти на него больше не было. Как ученый-практик он добивался максимально быстрым путем того, для чего обычно требовались месяцы и годы.

Исповедник был так мной доволен, что дал мне выходной в конце месяца с правом выхода в город, правда в сопровождении охраны. Но я был рад и этому, поскольку нужно было закончить пару дел, которые я не успел сделать до своего задержания в школе, когда меня практически силком увезли оттуда.

Где-то на Холброн-стрит. Две недели спустя

Накрытый белоснежной скатертью стол, уставленный тончайшим фарфором, ярко освещался газовыми лампами. Дерганый отсвет пламени отбрасывал тени от всех предметов в комнате, иногда словно наполняя зал страшными монстрами, но на все это не обращали внимания два человека, которые сидели друг напротив друга и тихо разговаривали, иногда прерываясь, чтобы выпить из фарфоровых чашек по глотку чая.

– Значит, говорите, мальчишка талантлив, сэр Энтони? – Хозяин дома ничуть не изменился за прошедшие месяцы – все тот же немигающий и холодный взгляд, подчеркнута скромная одежда.

– Уникум, сэр Артур! Настоящий уникам, не зря вы потратили на него столько сил и времени! – Старик хоть и говорил восторженно, но его поза и тело оставались спокойными. Такой сильный контраст между речью и телом был непривычен для любого собеседника, кроме того, который уже много лет знал своего визави.

– Я по вашей рекомендации начал сразу с тяжелых тренировок без раскачки, так как вы сказали, что под давлением он будет учиться быстрее и лучше. Так и получилось: за два месяца он смог то, чего моя последняя ученица достигала год! Я лично думаю, что еще полгода – и он обгонит ее в навыках, не говоря уже про знания. Представляете, чем он занялся в свободное время?

– Удивите меня, сэр Энтони, – уголком рта улыбнулся глава тайной полиции.

– Забрал у меня мою комнату и систематизирует все знания, которые там есть! Как вам?! Все то, что я хотел сделать сам, он взялся сделать только потому, что ему неудобно читать чужие каракули! Представляете?! Он труды ван Червиваля, Дермарка, дер Хольца называет каракулями!!!

– Но согласитесь, сэр Энтони, вы сами неоднократно жаловались мне, что было бы значительно проще обучать новых исповедников по более систематизированной программе.

– Да, просто вы не так часто их находите. Поэтому смысла в этом особо и не было. Возможно, с вводом нового закона об образовании все изменится? У вас есть новые кандидатуры?

– Есть пара перспективных, но это пока очень сырой материал, – нехотя признался сэр Артур. – К сожалению, на шлифовку алмаза нужно время, которого у нас сейчас очень мало.

– Надеюсь, мальчик сможет нас удивить, – задумчиво произнес исповедник, наклоняясь и глядя ноющее колено. – Думаю, завтра пойдет снег – мое колено особенно гудит сегодня.

– Возможно, – в тон ему ответил глава тайной полиции, и за столом воцарилось молчание.

– Кстати, он мне тут намекнул недавно... – вскинулся исповедник, вспомнив последний свой разговор с беспокойным учеником. – Поскольку он не все понимает в написанном,

ему пригодились бы лаборатория и подопытные для проверки теорий, изложенных в чужих дневниках.

– Даже так? А вы что?

– Еще не решил. С одной стороны, меня радует его усердие в изучении трудов своих предшественников, с другой – ему нужно сначала выучиться тому, ради чего его, собственно говоря, и вырвали из привычной жизни. Нам с коллегами очень бы пригодилась его энергия в подготовке последнего проекта.

Глава тайной полиции посерьезнел:

– Проект «Аргус» должен быть закончен в срок. Вы лично обещали императору!

– Я помню, – тут же быстро ответил исповедник, – но, сэр Артур, вы должны понимать – это очень амбициозный и сложный проект, с кучей стыковок и проблем. Не хотелось бы получить в итоге просто смешение различных душ в одном корабле.

– Вы хотите, чтобы мальчик взглянул на проект свежим взглядом? – догадался глава тайной полиции.

– Вы, как всегда, правы, сэр Артур, – хитро улыбнулся исповедник. – Я вижу его отношения с собакой, так что теоретически он готов попробовать свое первое переселение.

– Вы не торопите события, сэр Энтони? Прошло всего несколько месяцев!

– Я понял с ним одно: если не загружать его тяжелой работой, чтобы у него не оставалось времени думать, он сам начинает придумывать себе занятия, и они бывают не столь мирные, как мои.

– Мне доложили, что Элиза ван Ленд не исполняет взятые на себя обязанности. Может, стоит ее заменить? – переключился на другую тему глава тайной полиции. – Мы столько предпочтением дали ее отцу и всему их семейству, что и за половину от этого можем найти двух других красоток.

– Они вначале неплохо ладили, – задумчиво почесал подбородок исповедник, – но вы правы. Я поговорю с девушкой для начала, объясню ей ситуацию, а также то, что нехорошо нарушать данные государству обещания.

– Хорошо, недели будет достаточно? – поинтересовался сэр Артур. – Служанки сказали, что мальчик заигрывает с ними, а это может привести сами знаете к чему.

– Опять же согласен. Его голова и то, что ниже, должны думать только в одном направлении – как стать исповедником.

– Есть еще что-то, что мне стоит знать, сэр Энтони? – Глава тайной полиции встал, показывая, что их встреча подошла к концу. – Мне нужно во дворец, доложить об обучении нового исповедника.

– Это контролируется на столь высоком уровне?

– Да, республиканцы давят нас на фронте. «Аргус» сейчас единственный реальный проект, который может дать нам преимущество. Его императорское величество лично запрашивает у меня сроки по нему, так что, сэр Энтони, не подведите меня.

– Я сам в этом заинтересован не меньше вас, сэр Артур, – склонил голову в понимании исповедник, – и о последствиях я знаю.

– Тогда приезжайте ко мне чаще, хочу знать подробности, в том числе те, о которых вы умалчиваете в моем кабинете на Сохо.

– Договорились.

* * *

– Фенчурч-стрит, сто двадцать. – Я сел на заднее сиденье парокара и назвал адрес. Кроме шофера, впереди сидел охранник, здоровый детина в клетчатом пальто не по сезону и со сплюснутым котелком, который смотрелся на его бритой голове словно прибитый гвоздь.

дями. Два охранника только у меня в машине, и это не считая еще одного парокара, набитого охраной, который двигался за нами следом! Только на таких условиях меня выпустили из поместья, хотя я был согласен на все, лишь бы вырваться из надоевших мне стен и сменить обстановку. Обещанный сэром Энтони выходной я заслужил, сделав все, что он мне задал. Он не нашел к чему придраться, поэтому, когда я напомнил ему о нашем двухнедельной давности разговоре, он нехотя признал, что обещал подобное. Правда, согласовывать мой выход пришлось с тайной полицией (куда уж тут без нее), но в конце концов все получилось, и вот я, подхватив свои вещи и чековую книжку, быстро устремился к выходу из поместья, пока никто не передумал.

– Ист-Энд, сэр? Вы уверены? – недоверчиво спросил бугай, поворачиваясь ко мне. Перебитый нос кривил его лицо, но глаза были настороженными, и в них светился ум.

– Как вас звать?

– Фрэнк, сэр.

– Фрэнк, я всегда знаю, чего хочу, кроме тех моментов, когда этого не знаю. В данном случае я назвал точный адрес, дальше продолжать?

– Нет, сэр, – почти хрюкнул тот, переглянувшись с водителем и оценив мой нехитрый юмор. – Вилли, Фенчурч-стрит, сто двадцать.

Водитель промолчал, а парокар, издав тоненький свист, тронулся с места и, набирая скорость, покатиł обратно по широкой дороге, по которой меня сюда везли: сначала по Стр-энд, потом по Флитт-стрит и Ломбард-стрит. В этот раз меня не подпирали с боков два дюжих охранника, поэтому я смог осмотреться. Первое, что бросилось в глаза, – то, что война сильно отразилась на городе. Даже центральные улицы стали менее нарядными и праздничными, люди больше не прогуливались неспешно, а шли быстро и явно по делам. Не стало девушек, что обычно стайками гуляли по осенним улицам, зато появилось множество полицейских, которые останавливали тех, кто выглядел бедно, и о чем-то с ними разговаривали. Обычно оживленный и бурлящий город сейчас напомнил мне кошку, прижавшую уши, – он словно затаился и ждал чего-то плохого.

– Как дела на фронте, не знаете? – спросил я у охранников. – Меня полностью изолировали, так что я даже не знаю, выигрываем мы или проигрываем.

– Мы несем потери, как, впрочем, и респы, сэр, – ответил водитель прокуренным и сирым голосом. – Так по крайней мере говорят новости.

– А что говорят на улицах?

– Этого мы не можем с вами обсуждать, – перебил Фрэнк водителя, который начал говорить.

– Ну хотя бы то, что можно?!

– Фронт прорван, и с каждой неделей мы отступаем, – буркнул Вилли, несмотря на показанный кулак соседа.

«Ужас! Надо будет заехать на телеграф и запросить, как дела у Анны и сэра Немальда».

– Спасибо, – буркнул я, видя, что они больше не настроены это обсуждать, и вернулся к осмотру дорог и зданий, которые мы проезжали.

– Могу я поинтересоваться, куда мы едем, сэр? – вежливо спросил охранник, словно хотел разрушить угрожающе повисшую тишину внутри салона.

– Мы ищем человека, точнее – девушку. Марту Уоткинс, жену полисмана Вилли Уоткинса, которого убили прислужники Кукольника, – обстоятельно ответил я. – Он был моим другом.

– Хорошо. Как приедем, оставайтесь, пожалуйста, в машине. Сначала к ней зайду я.

– Как скажешь, Фрэнк. – Я не собирался спорить с сотрудником тайной полиции по таким мелочам, он тоже делает свою работу.

Хоть широкие улицы с частыми газовыми фонарями и стали лишь немного сужаться, едва мы покинули центральную часть Миддл-Тауна, но все же Ист-Энд уже показывал свое лицо в виде куч навоза и грязи, которые лежали здесь повсеместно.

Наконец мы подъехали к знакомому мне двухэтажному дому, и, спугнув беспризорников, которые при виде двух парокаров прыснули прочь от дома, охранник, качнув машину, выбрался наружу. Отсутствовал он долго, а когда вернулся – был мрачен и почесывал рассеченный кулак.

– Бурр-стрит, – скомандовал он, – дом где-то рядом с булочной.

– !!! – Мой безмолвный вопрос повис в воздухе.

– Она съехала почти сразу, как похоронила мужа. Человек, живущий сейчас в этой квартире, был так любезен, что подсказал, в каком примерно направлении она ушла.

Наши поиски затянулись, так как на Бурр-стрит нам сказали, что Марта Уоткинс давно съехала, и отправили нас еще дальше, в глубь Ист-Энда, что, конечно же, не могло меня радовать. Одинокая симпатичная девушка с деньгами на руках – всякое могло случиться.

Фрэнк не зря работал в тайной полиции, поскольку после пяти часов усиленных поисков с подкупками и угрозами мы наконец нашли девушку с похожими приметам в глубине доков на Куин-стрит. Правда, нам сказали, что она с маленьким ребенком на руках. Хоть я и сомневался, что это она, но по всем описаниям было очень похоже, поэтому мы решили проверить, по пути заехав на телеграф и отправив таки весточку на Восточный фронт моим друзьям. Я попросил водителя отправить ее от своего имени и получить ответ здесь же. Меня навряд ли выпустят из поместья в ближайшее время, а так он сможет передать мне ответ.

– Это она. – Дверь приоткрылась, впустив ветер, и заглянувший внутрь Фрэнк поманил меня рукой. – Что-то она не похожа на обеспеченную вдову, как ты говорил нам.

– Фрэнк, – нахмурился я, – я практически лично передал ей деньги, думаешь, я вру?

– Нет, конечно, – сразу попятился он. – В общем, я поднимаюсь с тобой, но подожду за дверью.

Та выгребная яма, где мы остановились, наверно, никогда не видела на своих дорогах парокаров, а уж два сразу тем более. А поскольку на таких черных хромированных монстрах передвигалась в основном тайная полиция, было неудивительно, что кругом стояла почти полная тишина, прерываемая завываниями собак да свистом ветра с Темзы.

Переступая через испражнения, я поднялся и постучал в дверь с номером «21».

– Открыто, входите, – раздался слабый голос изнутри. Я открыл дверь и замер на пороге. Это определенно была Марта, но вот только где та радостная фея, которую я запомнил при нашей последней встрече, когда Вилли был еще жив? На меня смотрела не молодая счастливая девушка, а уставшая, грязная женщина с ребенком.

Увидев, кто вошел, она вскрикнула и, положив ребенка на топчан, бросилась ко мне. В нос мне ударил запах давно не мытого тела, хотя я прекрасно помнил ту чистоту, которую она когда-то излучала. Марта повисла на мне, и слезы промочили мою рубашку. Она плакала и плакала, а остановить я ее не мог. Марта оторвалась от меня только тогда, когда проснулся ребенок и подал голос. Она, вытирая слезы и пряча от меня красные глаза, побежала проверить его.

– Что случилось? Дрейк не отдал тебе деньги? – требовательно спросил я, пока она сюсюкала с ребенком, успокаивая его.

– Отдал, но кто-то из соседей прознал про это, и их украли почти сразу, – говорила она едва слышно, поворачиваясь ко мне.

– Ты ходила к нему? Рассказала?

– Да, он дал мне сто гиней и попросил спрятать их в этот раз надежней. На них мы и живем до сих пор. Да и подрабатываю тут и там... – Ребенок заснул, и она повернулась

ко мне: – Прости, Рэджинальд, не могу тебе предложить ничего. Вилли болеет, я не ходила никуда за продуктами.

– Дрейк не нашел воров? – удивился я. – Чтобы Дрейк и не нашел?

– Вора он нашел, только его успели убить поделщики. И концы в воду с его смертью, вместе с моими деньгами.

Марта замолчала, молчал и я. Нужно было сейчас или поворачиваться и уходить, или что-то предпринимать. Я выбрал второе.

– Собирайся, вы уезжаете, – приказал я.

Она удивленно на меня посмотрела и открыла рот.

– Марта, я не хочу спорить и рассуждать. Либо ты собираешься и едешь со мной, либо я прошу того здоровяка, что заходил сюда ранее, силой запихать тебя в парокар.

Она благоразумно закрыла рот и замотала ребенка в тряпье. Взяв небольшую котомку с вещами, Марта пошла за мной.

«Недолгие же сборы у нее оказались».

Охранники удивились, когда я посадил ее в парокар рядом с собой, но вида не подали.

– Квартал ремесленников, дальше дорогу покажу.

К моему дому мы подъехали затемно. День, который я собирался потратить на себя, чтобы купить себе новую одежду и обувь, пропал, но нужно было доводить начатое до конца.

С забитыми ставнями, отсутствием света и неухоженным садом дом смотрелся мрачно. Я сначала даже не узнал его, а ведь отсутствовал тут всего несколько месяцев. Я вышел из кара и приказал выйти Марте, затем достал ключ, чековую книжку и выписал чек на тысячу гиней.

– Ты теперь работаешь на меня. – Я протянул ей ключ и чек. – К моему следующему визиту, надеюсь, дом будет более гостеприимным и обжитым, чем сейчас, так что постарайся, Марта, чтобы он выглядел так же, как ваша комната, когда я пришел к вам с Вилли впервые.

Девушка открыла рот от изумления и недоверчиво смотрела то на ключ, то на чек в моей руке.

– Ну же!

– Рэджинальд. Мистер ван Дир! – Она прижала ребенка к груди, и на глазах снова показались слезы.

– Марта – это не подачка. – Я спокойно, но твердо посмотрел на нее. – Это мой дом, ко мне могут приехать друзья, и я хочу, чтобы он выглядел гостеприимно, чтобы в нем всегда была готова горячая еда и теплая постель, тебе понятно?

– Да, мистер ван Дир. – Она сглотнула слезы и стала быстро кивать, осторожно взяв обе протянутые вещи.

– Если я понадобится, подойдешь к любому полицейскому и попросишь, чтобы он передал сообщение в тайную полицию.

– Хорошо.

– Все, иди. – Я качнул головой в сторону дома. – К сожалению, у меня осталось не так много времени, нужно еще успеть вернуться туда, где я сейчас живу.

Девушка несмело кивнула мне и пошла к калитке. Я проследил, как, натужно скрипнув, она отворилась, а вскоре в доме зажглось окно.

– Фрэнк, можно через тебя нанять привратника в дом, чтобы в этот раз ничего из него больше не пропало? Кого-нибудь из отставных, за кого бы ты мог поручиться. Деньгами я не обижу.

Мы сели в машину и молча поехали обратно, за окном мелькали светлые витрины и окна домов квартала, а мне хотелось лишь одного – помыться, поесть и лечь спать.

- Конечно, сэр... – В его голосе я услышал странные интонации.
- Спрашивай, Фрэнк.
- Это ваш ребенок, сэр? – напряженно спросил он.
- Нет.
- Вы были дружны с ее мужем?
- Не особо.
- Тогда зачем вы все это делаете?
- Я погубил его, Фрэнк, и с этим мне теперь жить.

В салоне настала долгая тишина, никто не смел нарушить ее после такого признания. Только когда мы приехали на место и я открыл дверь, чтобы выйти, охранник наклонился ко мне и тихо сказал:

- Я найду человека, сэр, не волнуйтесь.
- Я похлопал его по руке и улыбнулся:
- Спасибо, Фрэнк.

Не успел я зайти в дом, как возле меня тут же завертелась Элиза и, приветливо улыбаясь, помогла снять пальто. Пока я удивлялся таким внезапным переменам, она стала интересоваться моими делами и что я хочу на ужин. Пришлось поднять свою челюсть с пола и заказать отбивную из говядины с овощами, а также сделать вид, что ничего странного не происходит.

– Рэджинальд, прости меня. – Девушка провожала меня в комнату, держа под руку. – Я поняла, какой эгоистичной была, не замечая твоих проблем и волнений. Ведь очень важно для всех нас, чтобы ты стал исповедником. Ты ведь станешь им?

Пока мы шли, я смог преодолеть первое потрясение от перемены ее отношения ко мне, но сразу же понял, что это влияние извне, – так быстро люди сами по себе не меняются. Нужно будет об этом поинтересоваться у сэра Энтони.

– Конечно, Элиза, за этим я здесь и нахожусь.

– Жаль, у меня не хватило таланта стать исповедницей. – На миг она стала грустной. – А ведь я окончила школу с отличием! Как думаешь, ты мог бы меня подтянуть в ремесле?

– Не знаю, я и сам пока мало что могу, – попытался отмазаться я от неожиданной ученицы. Времени и на себя-то не оставалось, а ведь, кроме всего прочего, я еще занимался систематизацией книг и тетрадей в библиотеке сэра Энтони, решив взвалить на себя этот труд для ускорения собственного обучения.

– Хотя бы вечером, часок... – Она прижалась ко мне плотнее, и я почувствовал локтем ее упругую грудь.

– Я подумаю, – скрепя сердце пообещал я.

Ну не научился я еще отказывать красивым девушкам.

– Я приду! – Элиза многообещающе провела язычком по своим губам и, поднявшись на носочки туфель, поцеловала меня в щеку.

«Надо спросить сэра Энтони, что он ей наговорил, – решил я. – Прилежная и кроткая Элиза? Такого я еще не видел».

Обитал я теперь в комнате сэра Энтони, нахально переселив его в соседнюю, так как замучился бегать за новой порцией книг, поэтому поймал его сразу, едва зашел в нее.

– Сэр Энтони, что случилось с Элизой? – поинтересовался я, снимая пиджак и одновременно глядя выходящую у ног Айду. – Я не узнаю ее.

Старый исповедник презрительно хмыкнул:

– Напомнил сначала ее отцу, а затем и ей самой, благодаря кому они находятся на своих местах. Причем ее отец был более сговорчив. С ней пришлось поговорить дольше.

– Надеюсь, это надолго, – хмыкнул я в ответ, закатывая рукава рубашки, чтобы не испачкать их в чернилах, и сел за работу. – Такой она мне больше нравится. Напросилась сегодня поучиться у меня искусству.

– Думаю, на ночь мне нужно будет найти другое место для ночевки, – язвительно прокомментировал он, – не готов слушать всю ночь ваши стоны.

– Сэр Энтони, – укоризненно на него посмотрел я, – теперь, когда она сама ко мне липнет, лучше будет держать ее на коротком поводке, и теперь *мне* строить из себя недотрогу, какой была все это время она. Мне интересно, насколько долго хватит ей вашего внушения?

Исповедник недоуменно на меня посмотрел, а потом залился скрипучим смехом. Отсмеявшись, он подошел ближе и заглянул мне через плечо:

– Молодец, Рэджинальд, я скоро начну гордиться тобой.

– Вы это об Элизе или о моей работе? – подколот его я.

– Обо всем. Зачем ты переписываешь одни записи в одну тетрадь, а другие – в другую?

– А тут все просто. – Я отложил перо и показал ему обе свои тетради. – В первую я записываю только факты и подтвержденные эксперименты. Во вторую – все, что мне нужно будет проверить, а также теории и гипотезы. Причем, поскольку многие из предположений повторяются, я решил их объединить по темам, видите?

Исповедник взял у меня вторую тетрадь и внимательно прочитал оглавление.

– Серьезно ты подошел к вопросу, – уважительно сказал он, вернув мне ее. – Пожалуй, выделю я тебе лабораторию для опытов, как ты и просил.

– А подопытных? Мне нужен будет материал.

– Материал... – Сэр Энтони задумчиво хмыкнул. – Как быстро ты стал называть людей всего лишь «материалом». Не боишься очерстветь настолько, что на всех вокруг будешь смотреть только как на своих подопытных?

– Я думал об этом, сэр Энтони. – Я посмотрел прямым взглядом ему в глаза. – Но пока у меня есть несколько людей, о ком я хочу и могу заботиться, то мне это не грозит.

– За одним из таких ты и ездил сегодня?

– Угу.

– Я переговорю с начальником тюрьмы. Сейчас военное время, и почти всех заключенных отправляют на фронт, но, думаю, нескольких преступников мы тебе отыщем. Только не убивай их сразу, я не смогу каждый день давать тебе по человеку.

– Жаль, я не могу попасть на фронт, – задумчиво почесал я нос пером, которое снова взял в руку. – Там с этим сейчас, думаю, проблем нет.

– Рэджинальд! – Голос учителя стал строгим. – Не забывай – все это побочное! Ты должен сначала выучиться. Если у тебя есть столько свободного времени, то, может быть, есть смысл ускорить наше обучение?

Я оглянулся на него.

«А ведь правда, если я быстрее выучусь, я ведь смогу дальше самостоятельно работать!»

– Сэр Энтони, почему бы нам не попробовать? – с достоинством ответил я, вызвав его очередную усмешку.

– Хорошо, тогда я подготовлю нижнюю лабораторию, а ты будь завтра готов. Начнем сразу с утра, так что выспись.

Я понял его намек.

– Никаких женщин в постели, я понял.

Он промолчал, уйдя к себе и оставив меня заниматься работой.

Через час подали ужин, и Элиза, как старательная жена, весь вечер ухаживала за мной, все время пытаясь прикоснуться ко мне то рукой, то грудью. Я понимал все эти ее нехитрые

попытки возбудить меня и делал тупой, отрешенный вид, якобы не понимая эти очевидные намеки.

После ужина я, как и обещал, позанимался с ней вещами, которые мне показывал учитель, очередной раз поразившись, как мало практики имеют выпускники школы. После учебы я снова проигнорировал ее намеки о близости и просто пожелал спокойной ночи. Элиза вспыхнула, уши и шея покраснели, но она проглотила это и, через силу улыбнувшись, забрала столик с остатками ужина и гордо удалилась.

Я улыбнулся ей вслед и вернулся к работе. Нужно было закончить еще одну главу и лечь спать. Завтра мне предстояло испытание.

Глава 3

Бедная Айда

– Бери Айду и спускайся за мной в лабораторию, Эрик подготовил все нужное. Я ведь, кстати, просил тебя с ним хотя бы общаться, а ты не поддерживаешь с ним отношения.

– Сэр Энтони, я никак не пересекался с ним, а заданий, связанных с инженерами, не было. Так что у меня просто не оставалось на него времени, – пожал плечами я, не признавая своей вины. – Он мог бы и сам прийти поговорить, между прочим.

– Ладно, с этим разберемся позже, сейчас есть дела поважнее, – буркнул он, выходя из комнаты.

Я последовал за ним, и мы дошли сначала до ваннных комнат, а потом свернули мимо комнат слуг направо и уперлись в дверь, рядом с которой стоял охранник. Он отошел и пропустил нас.

– Я тут еще не был, – прокомментировал я наш спуск вниз, осторожно ступая по тускло освещенным ступенькам. – Здесь наши лаборатории?

– И пыточная, – сухо ответил сэр Энтони. – Не наша, но и мы используем ее для своих целей. Как-никак процесс один, только концовка разная.

Собака жалась к моим ногам, трусливо повизгивая. Пришлось взять ее на руки и погладить по голове, успокаивая.

Мы прошли несколько дверей и подошли к той, из-за которой пробивался свет. Сэр Энтони толкнул ее, и мы вошли в небольшое помещение, целиком обложенное белой мраморной плиткой. Даже потолок был ею выложен! Инженер стоял к нам спиной, чем-то гремя на столе.

– Эрик, у тебя все готово? – обратился к нему мой учитель.

Тот обернулся и недовольно поджал губы, затем поправил очки с несколькими линзами на правом глазе и помахал отверткой:

– Почти, сэр Энтони, вы и так меня ускоряли все время. Никаких условий для работы...

– Могу отправить тебя назад, там можешь покачать свои права в цехе, – спокойно отозвался исповедник, на что Эрик скривился, но промолчал, вернувшись к работе. Заинтересовавшись, я подошел ближе, и мое спокойствие пошатнулось. На столе, в куче мелких деталей и шестеренок, стояла маленькая железная собака. Еще меньше по размерам, чем Айда.

– Поскольку у нас мало времени, я решил, что делать большие механизмы нет смысла, – пожал плечами сэр Энтони, отвечая на мой немой вопрос. – Главное, чтобы ты освоил принципы, а какого размера при этом будет механизм, совершенно не важно.

– Но... – попытался сказать что-то инженер, но замолчал под суровым взглядом исповедника.

– Что мне делать? – Я начинал догадываться, что именно, и сердце сжалось от жалости.

– Думаю, ты все понял... Как только Эрик закончит макет, тебе нужно будет очень нежно и по капле вытянуть душу из своей собаки и, синхронизировав свою душу с ее, переселить в этот механизм. – Сэр Энтони показал рукой на копию.

– Я, конечно, чисто теоретически представляю, как это делать. – Я ведь не зря столько читал и знал, как это делается. Но знать и уметь – две разные вещи. – Может, пару советов от более опытного наставника?

– Главное, не торопись, всегда и все проблемы от спешки. – Он задумался, но тем не менее ответил: – Если попытка провалится, будем приручать следующую собаку, но времени это займет немало, сам понимаешь.

Мне было жалко Айду. Хоть она и была труслива, но очень меня любила, все время лапаясь и радуясь, когда я возвращался, даже если вышел ненадолго.

– Собаку жалко, – признался я, когда инженер закончил сборку и делал последние проверки, – неужели без этого никак?

– Можем проверить на Элизе или на той девушке, которую ты поселил в своем доме, – пожал плечами сэр Энтони. – Выбор за тобой. Ты ведь к ним тоже по-своему привязан?

– Ладно, собака – значит собака.

Такой ответ удовлетворил старого исповедника.

– Эрик, если закончил, то свободен. – Сэр Энтони указал ему тростью на дверь. Инженер собрал все свои инструменты и отошел от стола.

– Сэр, может, лучше остаться? Я проверил ее всего раз, вдруг что-то пойдет не так?

– Мне повторить?

Недовольно бурча, Эрик вышел за дверь. Сэр Энтони показал мне на широкое кресло, а также стол специально для собак, с ремнями для лап.

– Можешь привязать, можешь держать в руках – на твое усмотрение, но чтобы завтра утром ее мелкая душонка была переселена.

– Эм-м-м... – Я был, если честно, потрясен. Ведь я думал, что будет какая-то подготовка или тренировка, а не так безапелляционно – «сядь и делай».

– Завтра утром я зайду, а чтобы тебе не мешали, закрою дверь.

Я промолчал, мне нужно было собраться с мыслями. Не услышав ответа, он постучал своей тростью, которую брал с собой, только когда начинал прихрамывать, и вышел из комнаты. Я услышал, как за ним задвигается засов – мы остались одни. Айда попыталась спрыгнуть с рук, чтобы обнюхать незнакомое помещение, но я не позволил, оставив ее у себя. Мне нужно было сосредоточиться, чтобы начать поглощать ее душу по капле, действуя при этом не рукой, а своей аурой – медленно и размеренно, чтобы я успевал подстроиться под тонкий ручеек, льющийся ко мне, и синхронизироваться с ним. Нельзя было допустить ни малейшей ошибки, иначе ничего не получится и через много часов усилий я получу такую же душу, как если бы просто выдернул ее из собаки одним движением.

Устроив собаку у себя на коленях, я стал поглаживать ее, настраивая ауру. Времени это заняло немного – все же тренировки на людях были каждодневными и многочасовыми. Собака слегка поскулила, но послушно замерла под моей рукой.

Я давно потерял счет времени, поскольку все мое внимание занимало только поглощение. Сидя с закрытыми глазами, я старался не упустить ни мига, ни капли ее души, чтобы не допустить противодействия. А когда собака под моей рукой стала слегка дергаться, я лишь крепче прижал ее к коленям и продолжил свое дело. Конвульсии длились недолго, поэтому когда я почувствовал пальцами, что ее сердце перестало биться, то еще несколько минут сидел неподвижно, проверяя, все ли в порядке с ее душой в моей ауре.

«Вроде бы все нормально».

Я пошевелился на стуле, едва двигая затекшими ногами и руками. Покалывания в конечностях подсказали мне, что неподвижно я просидел очень долго. Когда я наконец стал чувствовать ноги и левую руку, то положил бездыханное тело собаки на стол, поднялся, вытер мокрые глаза рукой и прижал ладонь к небольшой площадке, расположенной на животе механической собаки. Площадка была аналогична приемнику аниматрона.

Теперь следовало запустить обратный процесс, так же медленно передать душу собаки в механическое тело. Если все пройдет успешно, то я получу механическую собаку, если нет, то из этого сложного механизма получится просто накопитель с энергией.

Очень скоро я пожалел, что остался стоять, – нужно было взять механическую собаку на руки, но сожалеть было поздно, передача началась и прерывать ее было нельзя. Через час

неподвижного стояния у меня начался зуд по всему телу, пришлось стоять и терпеть, сосредоточивая все внимание на процессе передачи, а не на предательски дрожащих коленях.

«Что-то я слабый какой-то, – попенял я собственному телу. – Надо заняться собой, а то постоял всего ничего – и уже без сил».

Когда все было кончено и последняя капля души несчастной Айды покинула меня, я просто отвалился от стола и рухнул в кресло, стоять я больше не мог.

«Надо хотя бы бегать по утрам, – шевельнулась усталая мысль, – совсем не дело так уставать».

Позади меня лязгнул засов, и знакомый перестук трости прошелся от двери до меня.

– Ну как? – раздался надо мой голос учителя.

Я не знал, что ему ответить, ведь только что закончил переливать душу и даже не проверял, что получилось. Ответ нам обоим пришел сам по себе – механическая собака заворочалась на столе, несколько раз попыталась подняться, но все время падала, пока исповедник не подошел к ней и не помог, поддерживая, несколько раз пройтись по столу. Когда механизм освоился и стал увереннее держаться на лапах-поршнях, он спустил ее на пол и достал свое пенсе, взглядевшись. Я последовал его примеру и поднес камень к глазам, направив свой взгляд на механизм, который бегал и делал вид, что обнюхивает помещение. Ровная и правильная аура собаки – вот что я увидел. Если не видеть глазами того, что передо мной механическое создание, а ориентироваться только на ауру ее души, то можно сказать, что работа была проделана превосходно, по ауру ее нельзя было отличить от настоящей собаки.

– Пошли наверх, покажем твою работу остальным. – Сэр Энтони положил пенсе в чехол и спрятал в нагрудный карман. – Я специально попросил всех сегодня приехать.

– Может, я для начала хотя бы поем и душ приму? – поинтересовался я. – Или в туалет схожу, всю ночь терпел.

– Все потом, – не терпящим возражения тоном сказал он. – Нам нужно принять коллегиальное решение, привлекать ли тебя по результатам работы в наш общий проект, или ты продолжишь обучаться дальше по обычной программе.

– В туалет я все-таки схожу, – проворчал я, вставая. – Айда, ко мне!

– Она тебя не слышит – это ведь не живая собака. Модуль слуха был бы слишком трудоемким. Так что прикоснись к ее ауру и мысленно отдай команду.

– Но Энни тогда, в первый раз...

Я понял, как они меня тогда провели, когда девушка-исповедник отдавала приказы собаке голосом, а та все исполняла, вводя меня в ступор от удивления.

Исповедник усмехнулся:

– На простых людей это всегда производит неизгладимое впечатление. Никто не будет тратиться на сложные модули для простых собак.

– Кругом один обман. – Качая головой, я поплелся к выходу. Собака по моему мысленному приказу и правда последовала за мной. Ее поведение ничуть не изменилось с тех пор, как она была живой. Так же обнюхивала все кругом, как и раньше.

Сэр Энтони дождался, когда я сделаю все свои дела, и неотступно следовал за мной, ведя меня в уже знакомое место. Та же комната, те же люди, даже сэр Артур присутствовал. Я раскланялся с ним, затем поздоровался с присутствующими. Энни даже не посмотрела в мою сторону, а вот женщина, наоборот, очень даже заинтересованно стрельнула в меня взглядом. Стуча металлическими лапами, в комнату вбежала механическая Айда. Все взгляды обратились к ней, причем все без исключения исповедники достали свои инструменты: кто монокль, кто просто камень. Несколько минут длилось разглядывание, во время которого у меня вспотела спина. Я видел, что глава тайной полиции внимательно следит за их лицами, пытаюсь предугадать вердикт исповедников.

– Не так чисто, как у Энни, конечно, – проворчал сэр Дональд. – Но с учетом того, что всего лишь второй месяц как парнишка попал к нам, однозначно я за.

– Сэр Дональд привередничает. – Женщина отняла монокль от своего глаза. – Я тоже за.

– За, – буркнула Энни, недовольно поджав губы и пряча свой огромный камень.

– Сэр Энтони? Жду вашего решения. – Глава тайной полиции был доволен.

– Я против, – высказался мой учитель, и его решению удивились все без исключения, в том числе и я.

Он поднял руку, прерывая возгласы удивления:

– Я против *сейчас* привлекать его. Мы привлечем его через две недели, я хочу, чтобы он закончил свою работу, иначе он не сможет сосредоточиться. Этого времени тебе хватит, Рэджинальд?

– Думаю, да, сэр, – ответил я, – но только с первой книгой, вторую за такой срок мне не осилить.

– Вторую будешь писать параллельно учебе и погружению в проект, – кивнул он. – Все равно будешь работать с человеческим материалом, времени для экспериментов будет достаточно.

– Ну тогда отлично, благодарю вас всех. – Глава тайной полиции сверкнул глазами. – Я могу доложить его величеству, что у нас появился еще один исповедник?

– Думаю, да, сэр Артур. Мальчик может быть им, осталось лишь отточить его искусство, но это только дело времени.

– Трех месяцев ему хватит для испытательного срока? – продолжал допытываться у старшего исповедника сэр Артур. – За это время подготовим новые приказы и пожалование ему дворянского титула.

Я стоял, едва не открыв рот.

«Все слишком быстро!»

– Еще раз всем спасибо, леди, джентльмены. – Сэр Артур слегка склонил голову, получив утвердительный ответ от исповедников, а затем повернулся ко мне и приказал: – Пройдемся, Рэджинальд.

– Конечно, сэр.

Мы спустились вниз и вышли во двор. Охранники при виде своего шефа сразу подтягивались и не дышали, мы же проходили мимо глубже в сад, туда, где никого не было видно.

Дойдя до скамейки, сэр Артур остановился, нагнулся и смахнул с нее опавшие листья, показав мне присесть, и сел рядом.

– Рэджинальд, я хотел уточнить: у тебя есть понимание того, что все, что для тебя сейчас делается, и все блага, которые даются, – это аванс за твою будущую работу?

– Конечно, сэр, я все прекрасно понимаю.

– Просто я хочу предостеречь тебя от любования собой. Сколь стремительно ты взлетаешь вверх – столь же быстро и больно можно сверзиться вниз... если ты не будешь выполнять свою работу...

– Сэр Артур, я это прекрасно понимаю и приложу все силы, чтобы быть полезным государству.

– Энтони рассказал мне о твоей работе и твоих стремлениях. Как я понимаю, ты хотел бы заниматься исследованиями?

– Это было бы просто превосходно, сэр, заниматься тем, что тебе нравится, да к тому же со всеми благами, что мне предоставили, – улыбнулся я, показывая, что сильно не обольщаюсь на этот счет.

– Ты веришь мне? Моему слову? – внезапно спросил он.

– Конечно, сэр, не было ни мгновения, когда бы я в этом усомнился, – горячо заверил я, вспомнив предыдущее общение с этим могущественным человеком нашего государства, – он ведь действительно ни разу не нарушил свое слово.

– Так вот, я даю тебе свое слово – если ты завершишь совместно с коллегами проект «Аргус» раньше срока, у тебя будут собственная лаборатория и все доступные ресурсы для исследования, – очень серьезно сказал он.

– Сэр?! – Я даже привстал со скамейки, настолько меня поразило такое предложение.

– Думаю, для тебя не секрет положение на фронтах?

– Кое-что слышал, сэр. – Я не стал юлить, показывая свою неосведомленность.

– «Аргус» – мое детище, мой проект, который предложил и курирую лично я, поэтому его провал или величие либо вознесет меня еще выше, либо похоронит, вознеся вверх более удачливых конкурентов. Я доступно выражаюсь?

– Более чем, сэр. – Я понял, что он приоткрыл мне одну из дворцовых тайн.

– Я верю в тебя, в твой ум. С самой нашей первой встречи верил, поэтому и говорю так открыто. Мне нужен этот корабль к концу года, дольше император терпеть не будет.

Я, осторожно подбирая слова, ответил:

– Сэр, если мне предоставят все данные по проекту и не будут мешать, я обещаю, что приложу все свои силы для его успешного окончания.

– Отлично, именно это я и хотел от тебя услышать, – кивнул он не мне, а словно своим мыслям. – Тебе еще что-то нужно?

– Нет, сэр. Вы и так сделали для меня столь многое, что я теперь просто обязан ответить вам добром, поэтому я прошу только обеспечить меня всем необходимым для погружения в наш проект.

– Правильно, именно НАШ, Рэджинальд. – Я заметил, как дрогнул уголок его рта. – Я знал, что ты умный мальчик, и получил сейчас этому очередное подтверждение. Завтра все чертежи и дневники будут у тебя. Сначала ознакомься со всем, затем поговори с сэром Энтони и действуй! Действуй!

Я почувствовал, как на мои плечи сейчас взгромоздили гигантскую гору ответственности.

«Выдержу ли я ее, устою ли?» – На эти вопросы у меня не было ответа, но стало очень страшно и жутко.

Я прекрасно понимал, что будет, если я не оправдаю возложенные на меня ожидания. Самое легкое, что меня ждет, – это вечная ссылка на фронт.

– Хорошо, тогда возвращаемся. Думаю, сэр Энтони хочет устроить обед в честь твоей маленькой победы. – Сэр Артур встал и пошел вперед, а я поспешил за ним.

Мы дошли до дома, но дальше он не пошел, поскольку к подъезду подали парокар, и глава тайной полиции направился к нему, затем остановился, вернулся и тихо мне сказал:

– Рэджинальд, не подведи меня.

От его голоса мне стало по-настоящему страшно. Такого страха я не испытывал даже тогда, когда стоял рука в руке с Кукольником и понимал, что он сильнее меня.

Не став ждать от меня ответа, сэр Артур повернулся и сел в кар. Хлопнула дверь, тихо прогудел свисток пара, и машина тронулась, а за ней стали набирать ход машины сопровождения.

Я еще минут десять стоял, чтобы прийти в себя, затем вошел в дом, и только тогда холодок страха, который охватил все мое тело, прошел. Прочистив горло, я пошел в общий зал. Сегодня мне нужно было отдохнуть и развеяться. Так что сначала обед, потом работа, а потом, после ужина...

Элиза сегодня будет ночевать не одна, решил я.

Данные мне для работы недели пронеслись словно день, поскольку приходилось, кроме своей работы, еще и уделять время обучению искусству исповедника. К тому же я изучал еще и чертежи левиафана проекта «Аргус». Он оказался потрясающим! До сих пор я и представить себе не мог, что такая огромная махина может еще и взлетать! До этого я видел, конечно, огромные дирижабли, но левиафан проекта «Аргус» был полностью металлическим воздушным кораблем, с четырьмя громадными крыльями, на которых располагались силовые установки. Они предполагались такими мощными, чтобы смочь поднять этого гиганта в воздух, так что на каждую из них отводилась отдельная душа, которая будет выполнять роль не только контролирующего элемента, но и силовой установки, вместе взятых. Подпитка этих установок была от десяти РС-100 сразу, но зато, несмотря на все расходы, корабль мог вмещать тысячу человек десанта, двадцать гигантских торпед или пятьдесят огромных авиабомб, он также был оснащен двадцатью пушками по каждому из бортов, и все это с самыми современными навигационными системами и средствами связи. В общем, если этот гигант и правда взлетит, в чем я иногда сомневался, то этот день станет новым витком истории не только нашего государства, но и мира в целом. Ведь до сих пор я ни разу не слышал о механических железных кораблях, которые бороздили небо.

В эту последнюю ночь перед началом погружения в проект моя голова просто взрывалась от обилия информации, а также того, что нужно было еще запомнить. Мне предстояло стать одним из тех, кому доверят вселить великую душу в один из этих силовых агрегатов. Понимать, что от твоей работы будет зависеть столь многое, было настолько волнительно, что у меня даже случилось расстройство желудка. Первые дни я не мог есть и спать, едва представлял себе, что будет, если конкретно мой агрегат сломается или не заработает.

«Надо держать этот механизм подальше от комнаты», – подумал я, просыпаясь от шума, издаваемого Айдой. Пока механизм лежал, шум не был таким сильным, но вот стоило ему начать движение, как шелест шестеренок, поршней и суставов становился слишком громким. Нужно было отправить собаку подальше, вот только нужно было решиться на это, а я не мог. Я до сих пор испытывал угрызения совести, что убил доверившееся мне существо. Кстати, я узнал еще один момент, связанный с переселением душ, – *живые* механизмы нужно было подзаряжать реже, чем простые механизмы, так что постоянно приходилось тратить собственную энергию на поддержание жизни в этом подобии собаки, что еще больше нервировало меня.

Сегодня меня ждало знакомство с моим новым «подопечным», который предлагался в кандидаты на получение великой души для проекта «Аргус». От меня требовалось оценить, смогу ли я с ним подружиться. Ведь если мы сойдемся ближе, то ближайшие месяцы будем жить рядом и очень плотно общаться, чтобы переселение прошло успешно. Об этой странной и удивившей меня особенности исповедников, собственно, из-за которой они и получили свое название, я прочитал самостоятельно. Оказалось, чем лучше ремесленник и человек, добровольно согласившийся отдать свою душу, будут относиться друг к другу, тем менее болезненным пройдет процесс вытягивания души и меньше шансов на обратный резонанс получал исповедник. Во многих опытах, которые были приведены в работах Норта дер Хольца – одного из основоположников теории переселения душ в механизмы, это подтверждалось неоднократно. Самые лучшие результаты по переселению были получены, когда у одного из его учеников умирала от болезни жена и он предложил переселить ее душу в механизм. Не знаю, как дер Хольц смог уговорить его на такое, но ученик так смог провести ритуал переселения, что этот пример до сих пор считается одним из самых успешных. Переселенная в механическое тело душа прожила сотню лет, пока железо не рассыпалось от ржавчины изнутри. К сожалению, переселять из одного механизма в другие было нельзя, как, впрочем, и в живых людей. Такие опыты проводились давно, но позже были признаны

незаконными и теперь карались смертной казнью. Я даже расспросил сэра Энтони по этому поводу, но он был категоричен – многие опыты по переселению были под запретом, хотя я лично не понимал почему. Ведь это же прямой путь к вечной жизни! Берешь самоубийцу или убийцу, приговоренного к казни, или того, кто добровольно захочет проститься с жизнью, и переселяешь в его тело душу старика, который обладает ценными для государства знаниями или опытом. Странно, что этот вопрос так слабо изучен, удивлялся я.

Раздался осторожный стук в дверь, прерывая мои размышления.

– Да, входите.

В комнату сначала вкатился столик, а затем вошла Элиза ван Ленд. Она старалась на меня не смотреть, а я ради озорства откинул одеяло, показывая, что я молодой и полный сил мужчина.

– Мистер Рэджинальд, пора завтракать, – сухо сказала она, несмотря на то что сегоднешней ночью не только мне одному понравился наш секс. Судя по ее стонам и жаркому дыханию, она тоже была сильно возбуждена.

– Элиза, – решил ее подразнить я, – несмотря на то что я тебе не нравлюсь, вчера ведь признайся, тебе понравилось?

Шея девушки, к моему удовольствию, стала наливаясь румянцем. Элиза, не поворачиваясь лицом к кровати, стала открывать тарелки с едой, и до меня донесся будоражащий запах еды.

– Я это делаю потому, что мне приказали, не более, – отрезала она.

Как я и предполагал, прошлого внушения сэра Энтони не хватило надолго, прошла всего пара недель, а девушка опять показывала зубки.

– Элиза. – Я решил быть жестче. – Давай не будем прикидываться. Я проинформирован о том, что пообещали твоему отцу, тебе и твоей семье за два года служения мне. Ты добровольно на это согласилась, так что давай не будем больше делать вид, что я такой злодей и заставляю тебя делать что-то неправильное. Сэр Энтони прямо сказал, что до тебя доводили все аспекты этой работы и ты с ними согласилась.

Элиза красная, как ошпаренный рак, промолчала, лишь подала мне тарелки с едой. Я принял из ее рук приборы и стал молча есть. Она же пристроилась рядом на кресле.

– Нам двоим будет гораздо проще жить, если я не буду тебя что-то заставлять делать, а ты сама будешь мне это предлагать. – Я поел и, встав с кровати, стал одеваться, мне нужно было посетить уборную, поскольку к горшкам, которыми пользовались аристократы, я не привык – так и ходил в общую.

Элиза ничего не сказала, собирая тарелки на столик, так что пришлось уйти без ответа.

– А, Рэджинальд! – На выходе из ванной меня остановил голос сэра Энтони. – Присоединяйся к нам, мы как раз шли к тебе.

Я повернулся и убрал на плечо полотенце, которым вытирался. Рядом с моим учителем стоял старик лет пятидесяти в военной форме без знаков различия и орденов. Наши взгляды встретились, и я поежился. Этот прямой взгляд стального цвета глаз было тяжело выдержать. Небольшого роста, с массивной тростью в руках, совершенно седой и со шрамами, он тем не менее излучал вокруг себя уверенность и силу.

– Рэджинальд ван Дир, сэр. – Я первым подошел к ним и протянул руку незнакомцу.

– Генерал Генрих эр Горн, – сухо представился он. – Энтони, он не слишком молод для того, чтобы играть роль Бога?

– Эр Горн? – задумался я, вспоминая. Мысли заметались в голове, пытаюсь зацепиться за эту фамилию. Я определенно слышал ее раньше.

– Месяц назад, «The Daily Telegraph», – напомнил мне наставник с улыбкой.

Я тут же вспомнил статью, в которой как раз говорилось об этом человеке. Когда его батальон терпел поражение от пятикратно превосходящих сил противника, он лично возглавил атаку и отбросил неприятеля. За этот подвиг его еще наградил сам император.

– Сэр? – Я удивленно посмотрел на внешне крепкого и здорового старика. – Вы мой первый прихожанин? Зачем вам это?

Он хмуро на меня посмотрел, и за него ответил сэр Энтони:

– Газеты написали не все. В той атаке Генрих был серьезно ранен и потерял много крови, а через рану на ноге началось заражение. Врачи хотели ампутировать ногу, но он уперся и решил умереть на пользу отечеству. Хотя я лично не понимаю зачем, денег у тебя, Генрих, явно хватит, чтобы заказать себе механическую ногу.

– Я видел, как это бывает, – буркнул он. – Сначала отрезают по колено, потом выше, потом еще и еще, отрезая каждый месяц по куску мяса. Мне этого не нужно. К тому же механическая нога – это просто железный костыль, пусть и чуть лучше, чем этот. – Он кивнул на свою трость.

– Я не согласен, но дело твое. – Исповедник показал на меня: – Он молод, не спорю, но перспективен, Генрих. Тем более все равно сейчас больше некому тобой заняться.

– Хорошо, я верю тебе.

– Рэджинальд, переезжай тогда в мою комнату со всеми своими вещами. Генерала я поселю в соседнюю, сам же переберусь в другую.

– Библиотеку оставите? – задал я главный волнующий меня сейчас вопрос.

Он засмеялся в ответ и переглянулся с сэром эр Горном.

– В общем, поскольку вам предстоит оставшееся ему время быть постоянно вместе, то никаких отвлечений.

– Хорошо, сэр.

– Ну, тогда знакомьтесь, а я пока отдам распоряжение на переезды и устрою вещи Генриха в его новой комнате.

– Спасибо, Энтони.

Когда исповедник ушел, мы постояли, рассматривая друг друга. Я спохватился:

– Пойдемте пока в сад! Вам вообще можно ходить? Как нога?

Он подошел ближе, и только тогда я заметил, что он обильно потеет и припадает на ногу, стараясь с силой опереться на трость, но не выдать, чего ему стоит на нее наступать.

– Я не собираюсь гнить в доме, пошли и правда прогуляемся.

Пока мы шли, я все время косился на него и понимал, что каждый шаг ему давался с огромным трудом, но тем не менее ни один мускул на его лице не дрогнул и помощи он не просил. Наконец я не выдержал:

– Сэр, давайте я вам помогу?

Эр Горн так зыркнул на меня, что все следующие слова просто застряли у меня в горле. Я заторопился и пошел впереди него, открывая двери, не забыв позвать слуг, чтобы принесли мне верхнюю одежду.

На улице накрапывал мелкий дождик, а небо снова было затянуто непроглядной мглой, а ведь утром в нем еще были просветы, в которые заглядывало осеннее солнце, пусть сильно не грея, но хотя бы не давая мерзнуть. Поскольку я знал только одну скамейку в саду, то и направился туда, где разговаривал с главой тайной полиции.

Сев, я дождался, когда генерал с трудом сначала обопрется о нее рукой и только затем, подогнув ногу, сядет рядом.

– Рассказывай, – приказал он тоном, не терпящим возражений.

– Что, сэр? – удивился я.

– Энтони сказал, что мы должны хорошо узнать друг друга, даже стать друзьями. – Тут он сморщился непонятно от чего, то ли от боли, то ли от слова «друзья». – Так что начнем с тебя, уверен, с твоей жизнью мы быстрее разберемся, чем с моей.

Я недовольно покосился на него, но промолчал. Он был прав, наверняка по сравнению с его жизнью моя была явно скучнее. Поэтому я начал рассказывать о себе, начиная со своего детства и дальше, о поступлении в школу и о проблемах взросления, а также работе на полицию, фронте и прочем.

Генерал оказался хорошим слушателем, не перебивал, только когда я закончил свой рассказ, упомянув о недавнем переселении души собаки, он стал задавать вопросы, причем соблюдая хронологический порядок моего рассказа. Я стал отвечать, где лукавя, где уклоняясь от ответов, если информация касалась того, чего не знала общественность.

– Интересный ты молодой человек, – под конец нашей беседы, когда на улице стало темнеть, а я окончательно замерз, заключил он. – Я думал, что мне подсунули какого-то неоперившегося сосунка, а ты ничего так. Хоть врешь и недоговариваешь в некоторых местах.

– Спасибо, сэр. – Что еще я мог ответить на такой более чем странный комплимент?

– Я проголодался, продолжим знакомство за ужином? – предложил он.

– Конечно, сэр. – Я пожегся, поскольку обувь у меня была для дома, а пальто, которое мне принесли слуги, за это время насквозь промокло.

Я встал и, не дожидаясь, когда он поднимется, сам протянул руку и помог подняться. На его яростное шипение я не обратил внимания – я тут битых шесть часов изливался перед ним, вытряхивая свою душу, так что немного потерпит мою помощь.

Около дома он все же отбил от меня, грозно шикнув. Я хмыкнул, но подчинился, хотя и выдержал его яростные переглядки.

Когда мы вошли в дом, слуги забрали нашу мокрую одежду и проводили нас в комнаты.

– Я замерз, сэр эр Горн, – когда мы зашли внутрь, сказал я. – Не будете против, если я ванну приму?

– Не мерз ты ни разу в окопе, – пожал плечами он. – Зимой, когда спинная жидкость застывает и невозможно ни согнуться, ни разогнуться, – вот это настоящий холод.

– Я не солдат, сэр, и надеюсь, что никогда им не стану.

– Почему это?! – волком посмотрел на меня он. – Чем тебе солдатская судьба претит?

– Не претит, сэр, просто мне нравится учиться, познавать новое, а не возиться в окопе и тем более командовать другими людьми – это совершенно не мое.

– Тем не менее людей ты убил немало, – заметил он, – и сколько еще убьешь за свою жизнь.

– Я не считаю это убийством в чистом виде, – пожал плечами я. – Отношусь к этому как к необходимому злу.

– Ну-ну, – покачал головой он, устраиваясь в кресле и позволяя себе расстегнуть лишь одну верхнюю пуговицу на кителе.

Я прикрыл за собой дверь и поспешил в ванную, но на пути встретил Элизу, и принятие ванны у меня немного затянулось, впрочем, в этот раз она не слишком и сопротивлялась. Видимо, утренний разговор все же повлиял на нее, и она поняла, что я могу и разорвать наши отношения, что на фоне уже сделанного ею было позором для ее семьи.

Удовлетворенный и согретый, я переоделся в чистое и поспешил обратно, ведь мне нужно было слушать о жизни генерала. Правда, когда я зашел в комнату, которую раньше занимал мой наставник, то увидел, что генерал спит, сидя в кресле, ровно в таком же положении, в каком я его оставил. Не став его будить, я пошел к себе и принялся за работу – пока было время, нужно было обобщать и систематизировать знания, доставшиеся мне от великих людей прошлого.

– Рэдж, вставай! – Громкий голос раздавался словно издали и не давал мне спать, он, словно комар, жужжал надо мной. Я перевернулся на другой бок и попытался закрыть голову одеялом. К сожалению, сильный рывок стащил его с меня, и я всем телом почувствовал свежесть наступившего утра. Недовольный, поскольку совершенно не выспался, я приоткрыл слипающиеся глаза, увидев перед собой сэра эр Горна.

– Что такое? Что случилось?

– Вставай, мы идем на зарядку, – тоном, не терпящим возражений, произнес он, уже одетый, чисто выбритый и снова в мундире, застегнутом на все пуговицы.

– Но сэра!!! – попытался возмутиться я. – Еще слишком рано!

– Я вчера размышлял над твоими словами о судьбе солдата и решил дать тебе ее почувствовать. Так что, если не хочешь, чтобы я отказался от твоих услуг, быстро умываться и за мной в сад!

Вот это была серьезная угроза. Если он от меня откажется, я не только стану бесполезным, но и не сдержу обещаний и сэру Артуру, и своей Родине. Выбора не было, так что, ругаясь про себя и кидая гневные взгляды на генерала, я встал и поплелся в ванную. Как я и думал, он не дал мне привычно долго плескаться, позволив лишь почистить зубы и сполоснуться, стал подгонять меня на улицу в одной рубашке.

– Но сейчас холодно! Я замерзну! – Мои ругательства и мольбы были ему безразличны, так что пришлось подчиниться и, ежась от холода, сначала начать с ним разминочный комплекс, а потом делать пробежку из десяти кругов вокруг сада. Генерал, который из-за ноги бегать не мог, нашел отличный способ не давать мне отлынивать, – он ехал рядом со мной на лошади и длинной тонкой веткой подгонял меня.

На пятом круге я упал и не смог встать. Легкие горели, а в правом боку кололо так, что я едва мог пошевелиться. Мои ругательства снова остались напрасными. Загнав меня едва ли не до смерти, генерал отстал от меня только тогда, когда я пробежал все десять кругов. Я бездыханным телом упал в кровать, едва добрался до комнаты.

– Рэджинальд! У нас урок! – Сильный рывок сбросил меня с кровати. Я хоть и отдышался к этому времени, но совершенно не хотел никуда больше идти, тем более с ним.

– Я умер, не трогайте больше меня. – Я лежал на полу и не собирался вставать.

– Мистер Стоун, вы можете мне? – Голос генерала раздался издали, словно он подошел к двери и стал звать кого-то из коридора. Через десяток минут сильные руки вздернули меня с пола и усадили в кресло, крепко примотав к нему веревками, оставив свободными только руки.

– Итак, начнем с азов. Сначала сборка, разборка и чистка оружия, потом основы военного дела. – Передо мной положили револьвер, второй такой же оказался в руках генерала, который сел напротив меня. – Смотри и запоминай, за каждое непослушание утром и вечером будешь пробегать лишний круг.

– Вечером?!!

– Да, а ты думал отделаться только легкой утренней пробежкой? Стрельбы мы начнем с тобой со следующей недели, когда ты освоишься с оружием и не будешь держать его, словно баба.

«Мне конец», – была последняя мысль, прежде чем я смог сосредоточиться и повторять разборку револьвера за быстрыми руками генерала, привычными к оружию.

Глава 4

Другой план

– Второй лейтенант, ногу выше! – Зычный голос генерала, который ни на шаг не отступал от своего плана, мучил меня второй месяц. За это время я не только окончательно возненавидел армию и все, что с ней было связано, но также и себя за то, что поменял спокойную и почти свободную жизнь антианиманта на ученика исповедника со всеми этими дурацкими правилами и законами. Если бы я тогда знал, когда в минуту слабости захотел побегать по утрам, что это в действительности наступит, я бы никогда даже в мыслях об этом не заикнулся. К сожалению, действительность превзошла все мои ожидания. Генерал, который от боли и заражения крови должен был валяться в кровати и умолять, чтобы ему кололи морфий, преодолевая себя и свое тело, участвовал во всех пробежках (пусть и на коне рядом). Кроме всего прочего, у нас были каждодневные стрельбы и разбор последних сражений и тех, что были в насыщенной истории империи. Эр Горн проводил занятия строго по расписанию, которое он для меня составил.

Я пытался, честно пытался заставить себя ненавидеть его, как и армейскую жизнь, что он мне устроил, но не мог. Смотреть на человека, который не дает себе поблажек, железной волей подавляя боль, хотя с каждым днем я видел, как ему становится все хуже и хуже. Когда он думал, что его никто не видит, его лицо кривила гримаса боли и он берег ногу, но все тут же прекращалось, когда кто-то входил в комнату или я спрашивал, не нужно ли ему что-нибудь. Лицо генерала тут же становилось спокойным и безмятежным, словно и не было терзавшей его тело боли. Так что, как бы я ни пытался возненавидеть его или хотя бы испытывать к нему неприязнь, у меня этого совершенно не получалось. Генерал эр Горн был образцом того, что я пытался в свое время найти в отце. К тому же сэр Энтони оказался прав, постоянное нахождение вместе заставляло мою ауру все лучше и лучше чувствовать колебания души генерала. Когда в самом начале нашего знакомства я осознанно пытался дотронуться до его громадной и насыщенной энергией души, моя воля вначале натыкалась на острейшее сопротивление, но в последние недели я все чаще и чаще мог смешивать свою ауру с его, и его воля не ставила мне барьеры. Так что польза от занятий с ним однозначно была, не говоря уже о том, что Элиза сделала мне комплимент, проведя ладонью по начавшему подтягиваться животу:

– Ты мужаешь, Рэджи, – это так здорово.

Вот так, ненавидя то, чем мы с ним занимались, но уважая и признавая сильного и волевого человека, я готовился к событию, которое должно было перевернуть обе наши жизни. Сэр Энтони, видя мои способности к совместной синхронизации, дал нам еще месяц, чтобы стать еще ближе и я смог войти в резонанс с душой генерала. Вот только я решил несколько изменить планы, стараясь не думать, к чему это потом приведет. Мне крайне не хотелось убивать человека, который воплощал в себе все качества того, кем бы я хотел стать в будущем.

– Мистер Стоун, у меня к вам просьба. – Я выкроил время среди постоянных занятий и нашел якобы своего инженера. Я не раз пытался обращаться к нему с просьбами, но он все время отнекивался, что ему за это не платят и он занят. В этот раз я решил или настоять на своем, или расстаться с ним. Какой толк мне от инженера, который ничего для меня не делает?

– Какая, мистер ван Дир?

Инженер обитал в хорошо оборудованной мастерской, занимаясь каким-то большим механизмом. Он обернулся ко мне с маленьким пинцетом в руках и с увеличительной линзой на одном глазу, которая была частью хитроумного механизма его шляпы.

– Мне нужен протез ноги, размеры я вам дам.

– Простите, мистер, но я работаю над проектом мисс Тевас.

– Энни? – удивился я. – У нее же есть свой механик.

– Он не успевает, поэтому она попросила меня заняться частью своего механизма.

– То есть мой механик подрабатывает на стороне, забив на мои просьбы? – уточнил я, выходя из себя. Первый раз я попросил его сделать Айду менее громкой, поскольку у нее начали скрипеть механизмы и она иногда падала. Стоун забрал собаку, но вернул ее точно без изменений. Во второй раз я попросил его подогнать мне под руку револьвер, который подарил мне генерал за то, что я выполнил его норматив по сборке и разборке, – с тем же результатом. Револьвер у меня взяли, но вернули в точно таком же виде, как я его и приносил.

– Это не так, мистер. – Инженер отвернулся от меня, выказав полное неуважение. – Просто сейчас я занят.

Смысла спорить с человеком, которому плевать на угрозы, я не видел, поэтому направился напрямик к учителю, который обитал в моих бывших комнатах.

– Сэр Энтони! – Я ворвался в комнату без стука, поскольку был зол на механика и забыл обо всяких приличиях. Картина, которая открылась, потрясла меня. Стоя на коленях возле кресла, до боли знакомая женская фигурка делала поступательные движения возле паха моего учителя. Сердце кольнуло ревностью и неприязнь.

«Мне она, значит, отказывалась это делать, а другому – пожалуйста. Да еще и кому? Старику!»

На мой голос они одновременно повернули головы, причем Элиза покраснела вся целиком.

– Простите, зайду попозже. – Я взял себя в руки и вышел за дверь, прикрыв ее, но остался рядом.

Через пару минут дверь открылась, и Элиза выскользнула из комнаты исповедника, стараясь не встречаться со мной взглядом. Я посмотрел ей вслед, затем постучался и зашел в комнату.

– Да, Рэджинальд, что ты хотел? – безмятежным тоном поинтересовался учитель, словно вовсе и не использовал соблазнительный ротик моей служанки не по прямому назначению.

Усложнять свои взаимоотношения с ним я не стал, поскольку никакой любви к Элизе я давно не испытывал, а теперь так и вообще буду относиться к ней соответственно ее поведению.

– Хочу заменить мистера Стоуна. Он не выполняет мои распоряжения и полностью для меня бесполезен, сэр.

– Странно, – удивился он. – Энни о нем очень хорошего мнения. Ты уверен? У меня некем его заменить, все механики сейчас заняты.

– А если я сам найду себе инженера, так будет можно?

– Если он пройдет проверку тайной полиции, то конечно. – Исповедник пожал плечами. – Но тогда тебе нужен цеховой механик, только они могут попасть к нам.

– Тогда, с вашего разрешения, я могу поехать в город? Лучшие цеха ведь на Оксфорд-стрит?

– Да, хорошо, я поговорю с сэром Артуром. Если он согласен, то ты сможешь выехать. Кстати, а зачем тебе механик, над чем-то работаешь?

– Айда стала скрипеть, да и револьвер, что подарил мне сэр эр Горн, хотелось бы подогнать по руке, а мистер Стоун оказался полностью бесполезен.

– Хорошо. – Мой ответ его удовлетворил. – Тогда жди решения полиции.

* * *

– Добрый день, Фрэнк, – поздоровался я со своим охранником, когда он придерживал мне дверь.

– Добрый, сэр, – улыбнулся мне он. Перебитый нос и сплюснутые уши делали эту улыбку пугающей, но не для меня.

– Я все никак не мог поблагодарить тебя за дворецкого. Марта написала мне, что Джон взял на себя всю основную работу по охране дома и благоустройству сада, даже завел вторую собаку, и если раньше кто и забредал посмотреть на пустующий дом, то теперь под его охраной она чувствует себя в полной безопасности. Спасибо тебе за него.

– Мы с Джоном служили вместе, так что ручаюсь за него головой, сэр. – Фрэнк забрался внутрь салона, и Вилли тронул парокар с места. – Просто парню не повезло с рукой, еле шевелится, так что на пенсию он вышел по ранению, но, к сожалению, выплачиваемых денег на всю семью не хватало.

– Вилли, нам сначала в военный госпиталь на Джеймс-стрит, а потом поедем на Оксфорд-стрит. Мне нужны часовых дел мастера или инженеры.

– Зачем, сэр?

– Мой механик отказывается мне помогать, хочу найти ему замену. – Я постарался вести себя как можно естественнее, ступая на такую скользкую тему в разговоре с охранниками из тайной полиции. Если они начнут подозревать о моих истинных планах, меня быстро разоблачат.

– Хорошо, сэр. – Вилли сосредоточился на дороге и вскоре доложил: – Госпиталь.

Трудно было перепутать, видя тянущиеся к зданию подводки, на которых едва ли не штабелями лежали люди. Наша машина казалась тут пришельцем из будущего, поскольку парокаров не было видно ни одного, только бесконечная вереница повозок, запряженных лошадьми.

Едва я вышел, рядом со мной оказались двое охранников, а я услышал громкие вскрики, когда колеса повозок попадали на камни. Тут же в сторону возниц неслись ругательства или просто стоны тех, кто не мог говорить.

Я направился к серому двухэтажному зданию, по форме напоминавшему букву «Т», только с более широкой верхней планкой. Когда мы зашли внутрь, в нос мне ударил ужащающий запах смеси нечистот, крови и гноя, так что мне пришлось прикрыть его рукавом. Охранники же стали отталкивать руки, которые тянулись ко мне от стоявших вдоль всего коридора лавок, поскольку лежавшие там что-то хотели от меня, выкрикивая угрозы и просьбы. Картина была, мягко говоря, удручающая, мне захотелось побыстрее закончить свои дела и убраться из этого страшного места.

– Могу я увидеть доктора Хоккинкса?

Наконец среди этого хаоса, воплей и стонов я увидел сестру милосердия в черной одежде и белом платке-шляпе, закрывающем не только голову девушки, но и ее шею и плечи.

Девушка повернулась на звук моего голоса. В руках у нее был ком грязных и вонючих тряпок, и меня поразил усталый вид медсестры. Она едва держалась на ногах.

– Он во второй операционной, сэр. Прямо и налево. – Ответив, она тут же потеряла ко мне интерес и вернулась к больным.

Мы заспешили в указанном направлении. Доктора Энди Хоккинкса я не знал лично, но читал его статьи о здоровье в колонках газеты «The Daily Telegraph». Это был единственный хирург, имя которого я на настоящий момент знал, поэтому и выяснить, где он работает, не составило больших трудов. Операционная была занята, так что пришлось ждать около

часа, что, конечно же, не добавило ни мне, ни охранникам хорошего настроения. Атмосфера госпиталя давила, заставляя чувствовать себя неудобно.

– Наложите перевязку и позовите меня, когда подготовите операционную, – раздался спокойный голос человека, знающего свое дело. Дверь открылась, и показался врач в заляпанном кровью белом халате и с окровавленными руками.

– Доктор Хоккингс?

– Я сейчас занят, – последовал немедленный ответ.

Я предвидел такую встречу, поэтому достал монету в одну гинею достоинством и показал ему.

– Пять минут вашего времени.

– С учетом того, что мой оклад составляет две гинеи в неделю, более чем щедрое предложение. Кого нужно зарезать сэр? – Он спокойно, без подобострастия взял у меня монету.

– Пока просто поговорить, – хмыкнул я и обратился к охранникам, которые увязались было за нами, когда он провел меня к себе в комнату: – Подождите здесь, в комнате только один выход.

Фрэнк заглянул в маленькую каморку, где доктор подошел к умывальнику и мыл руки, убедился в правдивости моих слов, потом пожал плечами и пропустил меня внутрь.

– И зачем я понадобился тайной полиции? – поинтересовался доктор, вытер руки и, подойдя к столу, рухнул на стул. – Да еще и швыряющейся деньгами.

– Я не из тайной полиции, сэр. – Я смахнул со второго стула заляпанный кровью халат и осторожно присел, боясь испачкаться. – Она меня охраняет.

– Да? Ну да мне все равно. Чем обязан?

– Мне нужно кое-что, – замялся я, – сначала консультация, потом пара уроков хирургии.

– Да? – Он открыл глаза и удивленно посмотрел на меня. – Хотите за пару уроков стать хирургом? Не хочу вас разочаровывать, но у вас это не получится, если вам, конечно, не безразличен конечный результат.

– М-м-м, – растерялся я. – Ну, теоретические знания у меня есть, а вот с практикой были проблемы. Я думал попросить, чтобы вы научили меня ампутировать ногу на трупах. Я готов хорошо заплатить вам.

– Думаете, я за деньги разрешу вам калечить трупы людей? Вы не туда попали сэр. – Его голос похолодел.

Я замялся. Я думал, все будет проще: приду, покажу деньги и решу все свои проблемы. Как-то не ожидал, что в таком месте найду принципиальных людей.

– Доктор Хоккингс! – решил я, все равно времени искать другого хирурга у меня не было, у меня в запасе был только сегодняшняя день. – Вот представьте себе, что есть хороший человек, у которого заражение крови. Он отказывается ампутировать ногу, предпочитая умереть, я же могу попробовать сделать так, чтобы у него была почти полноценная нога, и не хочу, чтобы он умирал. Что бы вы сделали на моем месте?

Доктор заинтересованно посмотрел на меня и встал со стула.

– Вам этот человек настолько дорог? Судя по тому, как вы ко мне пришли, это ваша частная инициатива?

– Этот человек дорог мне, – пожал плечами я, – а всех вокруг устраивает, что он готов отдать свою жизнь на благо империи, как будто все то, что он до этого сделал для нее, было мало.

Хоккингс почесал подбородок.

– Вы хотите провести ампутацию, чтобы пациент не знал об этом? Я с таким редко сталкиваюсь, но так бывает, когда родственники хотят спасти жизнь человека, который не хочет жить калекой.

– Доктор, мне некуда пойти больше. – Я встал и прямо посмотрел на него: – Если вы откажете, я сам проведу операцию, несмотря на последствия.

– Мне интересно, где вы тогда возьмете морфий, инструменты, перевязки, помещение для всего этого? – насмешливо посмотрел он мне в ответ. – Я уже молчу про то, что вы легко можете убить его своим непрофессионализмом.

Я промолчал. До его слов все казалось таким простым.

– Мне придется на вас донести, сэр, а ведь я даже не знаю вашего имени, – криво улыбнулся он.

– Боюсь, тогда мы станем врагами. – Я повернулся, чтобы уйти.

«Напрасная трата времени, нужно искать менее принципиального врача или ремесленника».

– Вы можете привезти его сюда? – неожиданно раздался его голос, когда я почти вышел из комнаты.

– Нет, боюсь мне не дадут его вывезти.

– А с чего вы вообще решили, что ему нужно ампутировать ногу, может быть, это просто нагноение? – продолжал спрашивать Хоккинс, когда я, не веря своему счастью, вернулся.

– Он лечился у доктора Эбермана, я узнавал – он уважаемый врач.

– Эберман?! – удивился собеседник. – Имперский хирург?! Вы кого хотите оперировать, сэр?!

Я понял, что прокололся, нужно было либо выкладывать все, либо уходить.

– Генерала Генриха эр Горна, – нехотя признался я.

Доктор удивленно присвистнул и замолчал.

– Пахнет государственной изменой, – промычал он, – даже просто от того, что я знаю о ваших намерениях.

– Доктор Хоккинс, вопрос стоит по-другому. Я хочу помочь хорошему, сильному человеку, который ради непонятных мне принципов хочет умереть. Хотя сколько пользы он принес и принесет, если останется жить, можно даже не гадать.

– То есть вы хотите выкрасть генерала, отрезать ему ногу и приделать ему протез, несмотря на то что, едва он придет в сознание, он тут же вас убьет за то, что вы с ним сделали?

– Ну, это будет не совсем обычный протез, как я уже сказал, он будет почти таким же, как его живая нога.

«Я очень сильно надеюсь, что записи сэра Червиваля по этой теме не ошибочные».

– Но все остальное верно?

– Да, сэр. – Когда я придумал свой план, он мне не казался таким безумным, как сейчас, из уст доктора Хоккинса.

– Вы точно ненормальный. – Он, покачивая головой, вернулся на свое место. – Могу я узнать ваше имя, сэр?

– Рэджинальд ван Дир. – Больше скрываться не имело смысла после столько сказанного.

– Вы тот, кто убил Кукольника? – Внезапно его голос охрип.

Я, удивленный сменой его настроения, молча кивнул.

– Тысячу гиней за операцию, пятьдесят за инструменты, десять за морфий и перевязочные материалы. Мне нужны будут средства, когда меня лишат работы после этой вашей авантюры. – От его сухого и делового голоса у меня засосало под ложечкой.

«А ведь он сразу согласился, только когда узнал про Кукольника», – подумал я, и у меня внезапно мелькнула мысль-озарение.

– Эм-м-м, вы кого-то потеряли, сэр? – осторожно поинтересовался я, чтобы подтвердить свою догадку.

Доктор ничего не ответил, опустив голову, лишь глухо повторил:

– Вы согласны? На меньшее я не готов.

– Доктор, при любом исходе дела я заплачу вам три тысячи гиней. – Я сглотнул ком, который образовался у меня в горле при виде человека, из которого за секунду словно вытащили внутренний стержень.

Пока он не ответил, я выписал чек на полторы тысячи и оставил его на столе.

– Будьте готовы через три недели, я не смогу предупредить вас заранее, поэтому либо приеду сам, либо пришлю кого-то от своего имени.

Он промолчал, поэтому я принял это за согласие и вышел за дверь нужно было теперь найти механика, который согласится выполнить мой второй необычный заказ.

– Прибыли, сэр. – Наш парокар, скрипнув тормозами, остановился рядом с высоким трехэтажным домом в самом элитном квартале города. Это было понятно хотя бы по тому, что движение здесь было непрерывным, а количество и разнообразие моделей парокаров не поддавалось исчислению. Уж я-то насмотрелся на них в квартале ремесленников, но тут, стоило выйти наружу и посмотреть на дорогу, как рот непроизвольно открывался. С трудом заставив себя повернуться к дому, я огляделся. Широкая и чистая улица, по которой прогуливались люди, словно была вырвана из другого мира. Весь остальной город был тих и угрюм из-за военного положения, а царящая здесь атмосфера диссонировала с тем, что я видел час назад у военного госпиталя.

Я посмотрел влево и вправо, убеждаясь, что улица действительно являлась центром сосредоточия ювелирных, часовых и инженерных лавок. Со всех сторон виднелись вывески, говорящие о роде деятельности их хозяев.

«Начну, пожалуй, с этого дома», – решил я, глядя на трехэтажный дом, у которого мы остановились.

Дом был разделен на две половины, поскольку левый вход вел в ювелирную мастерскую, а правый – в инженерную.

Толкнув дверь, которая, несмотря на массивность, легко поддалась, я зашел внутрь. Приветливо звякнул механизм, как на часах у нас в поместье, и в комнату сразу вышел молодой человек. Пока я осматривал стеклянные витрины, на которых лежали различные механизмы, протезы, а также аниматроны, он подошел ближе.

– Чем могу быть полезен, сэр?

Я повернулся к нему.

– Хочу заказать протез, вот чертеж. – Я достал набросок и протянул ему.

Молодой человек достал монокль из верхнего кармана пиджака и, зажав его в глаз, взял у меня чертеж и стал его рассматривать.

– Странная конструкция, сэр. – Он вернул его мне. – Но мы готовы взяться за его исполнение, цена, правда, будет большая.

– А срок? – спросил я, стараясь говорить тише, чтобы стоявший у входа Фрэнк не слышал весь наш разговор.

– Два месяца, не меньше. Слишком уж нестандартные требования, – покачал головой он.

– Это слишком долго, – удивился я. – Может быть, я доплачу за срочность?!

– Дело не в деньгах, – смутился он, – точнее, я бы мог отложить все текущие заказы, но больше всего времени потребует поиск материалов. Указанные алмазы в накопителе нужно будет еще найти. Камней таких размеров у нас просто нет.

– Спасибо за потраченное время. – Я понял, что ловить тут больше нечего, поэтому откланялся и пошел на выход.

– Фрэнк, может, ты подождешь меня возле машины? – спросил я охранника, когда мы вышли на улицу. – Центр города, что со мной может тут случиться?

– Нет, сэр, моя обязанность быть рядом.

– Хорошо, тогда пойдем дальше. – Я не очень и рассчитывал, что смогу от него избавиться, но попытаться стоило.

В следующей часовой и инженерной мастерской меня также вежливо отшили. Одни давали срок три месяца на производство, вторые просто не взялись за такой сложный проект.

«Вот тебе и улица инженеров! – Выйдя из инженерной мастерской, где меня опять отшили, возмущенно подумал я. – У меня уже не остается времени на поиски!»

– Мистер Рэджинальд, – обратился ко мне Вилли, который вышел из машины и присоединился к нам, когда мы второй раз прошли мимо нее по другую сторону дороги.

– Да, Вилли?

– Все хвалят цех Часовщиков на Оксфорд-стрит, 25, у меня их часы, – смутившись, сказал он. – Чудесный хронометр, сэр, не могу на него нарадоваться.

– Он же стоит приличных денег! – удивился Фрэнк. – Откуда он у тебя?

– Подвозил я как-то одну герцогиню... – Вилли закатил глаза и прищелкнул языком.

– О нет, беру свои слова назад, – тут же стал отнекиваться охранник, – не хочу ничего знать об этом.

– Мы тогда опустили передние сиденья. Она, кстати, была с той стороны, где ты сейчас сидишь, Фрэнк. – Водитель явно наслаждался ситуацией, когда охранник стал смущаться разговора на пикантные темы. – Она была так горяча, что ее соки пришлось вытирать в гараже потом два часа, представляешь?

– О боже, зачем я спросил? – страдальчески повторил Фрэнк, развеселив нас обоих.

– Хорошо, Вилли, пойдем туда, надеюсь, хоть там нам не откажут, – отсмеявшись, сказал я, осматриваясь и ища на вывесках домов их номера.

Здание, на котором виднелась цифра «25», было совсем недалеко от того места, откуда я начал свои поиски, нужно было всего лишь пройти чуть влево, а не вправо, как сделал я. Дом был из красного кирпича, украшенного по всему фасаду затейливыми деталями часовых механизмов, увеличенными в десятки раз. То тут, то там стрелки часов двигались в такт крутящимся шестерням, отсчитывая прошедшие минуты.

– Красота, – заключил я, прежде чем толкнуть деревянную дверь с литым металлическим львом вместо ручки, во рту он держал кольцо.

Мягкий звон колокольчиков сопровождал открывание и закрывание двери, и я оказался в часовом царстве. Куда я бы ни посмотрел, везде были часы. Маленькие, большие, золотые, деревянные, резные и без декора – все это тикало, звенело и постукивало. Я пораженно осмотрелся.

– Сэр, рада приветствовать вас в цехе Часовщиков, чем могу быть полезна? – Из-за прилавка вышла миловидная женщина с рыжими волосами и зелеными глазами. Я так засмотрелся на это необычное сочетание, которое не встречал ранее, что даже не сразу ответил. К тому же она была одета в необычное платье с открытыми плечами и глубоким вырезом, который я тоже не смог пропустить, осматривая ее всю.

– Сэр? – Женщина явно знала причину моего молчания. Я понял это по ее мягкой улыбке и серьезным глазам.

– Простите, миледи. – Я снял котелок и чуть склонил голову. – Возможно, я не по адресу, но мне сказали, здесь можно найти хорошего инженера.

– Могу я спросить для чего, сэр? – осторожно спросила она, покосившись на вошедшего за мной Фрэнка и Вилли, одетых как братья-близнецы.

– Мне нужен протез человеческой ноги. – Я в который раз за сегодня достал чертеж с размерами. – Тут я, конечно, все схематически накидал, но, если нужно, готов обговорить детали. Назовете цену?

– Индивидуальный заказ, а также срочность оплачиваются дорого, сэр. – Она явно была не в восторге от моего посещения, хотя я не понимал почему. Ее тон после входа охранников сразу похолодел на пару градусов.

– Так сколько?

Женщина замялась, явно боясь произнести вслух сумму.

– Мама, у нас гости? – Громкий голос раздался рядом с прилавком. На звук охранники потянулись к бокам пальто, но из-за ширмы, отделяющей остальное помещение от магазина, к нам вышла девушка чуть младше меня возрастом.

– Дженни, ты не вовремя, вернись к себе! – строго сказала женщина, на что Дженни, которая была словно маленькой копией своей матери, не обратила ни малейшего внимания. Вместо того чтобы послушать ее, она подошла ко мне и взяла чертеж в руки.

– Хм, рисовали, словно курица лапой, – хмыкнула она, вызвав взрыв негодования со стороны матери:

– Дженн, это заказчик!!!

– То-то ты его хотела отшить из-за сопровождающих его ищеек полиции. – Малявка явно путала все берега, кивнув на нахмурившихся охранников.

– Мисс, вы можете его сделать или нет, я теряю время. – Мне было, конечно, интересно общество таких необычных красоток, но время поездки у меня было ограничено, и с каждой новой мастерской, где мне отказывали, его становилось еще меньше.

– Как нечего делать, – пожала плечами она. – Но мне хотелось бы увидеть того, для кого он предназначен.

– С этим есть определенные проблемы. – Я обрадовался, что хоть кто-то согласился после просмотра чертежа. – Может, все-таки сначала озвучите цену?

– Цену говорит всегда дедушка. – Дженни снова пожала плечами. – Мы с мамой сегодня тут случайно остались, все ушли на похороны.

– Если вы беретесь его изготовить, то срок всего три недели.

– Справлюсь за две! – Дженни задрала нос, вызывая у меня смешанные чувства. Верить ли этой малявке или нет, ведь все остальные не соглашались даже на месяц.

Девушка, видимо, уловила что-то в моем взгляде, поскольку кинулась обратно в подсобку и спустя десяток секунд притащила мне частично собранный аниматрон.

– Вот, смотри, над чем я сейчас работаю. Видишь, какая тонкая работа? – Она нежно, словно ребенка, держала его в руках и показывала мне детали. Я был вынужден признать, очень умело и даже изящно.

– Хорошо, я нанимаю вас, мисс, осталось только оговорить цену. – Я поднял взгляд с механизма на девушку.

«Похоже, она и вправду знает, о чем говорит, тем более первая, кто согласился выполнить заказ в указанный мной срок».

– Ну, аниматрон под заказ, дедушка говорил, стоит около двухсот гиней, так что за такой сложный протез с тремя накопителями и бесшумными соединениями – не меньше пятисот гиней, без учета материалов.

– Дженни! – ахнула ее мама, когда та назвала гигантскую сумму.

– Зачем, кстати, в нем нужны такие мощные накопители, да еще из таких крупных алмазов?

«Она прочитала все мои комментарии к качеству и возможностям протеза? – удивился я. – А ведь взглянула на него всего секунду. Нанимаю однозначно!»

– Согласен, – спокойно сказал я, вызвав уже двоянный выдох удивления, оставляя ее вопрос без ответа.

Дверь зазвенела колокольчиками, и в помещение вошел старик в траурной одежде. Он посмотрел на двух громил, на меня, на двоих женщин и спокойно спросил:

– Можно узнать, что здесь происходит?

Узнав о подробностях заключенной внучкой сделки, старик возмущенно раскричался:

– Да как ты посмела?! Да я тебя!

Его громкий голос доносился через тонкую занавеску, вызывая у нас с охранниками улыбки. Женщина же за прилавком то краснела, то бледнела, когда тоненький голос не только не замолкал в ответ, но и становился угрожающим:

– Да, деда, я смогу это сделать, что ты мне все время какую-то мелочь подсовываешь?! Надоело! Хочу настоящий проект!

Голоса становились все громче, пока, наконец, женщина не зашла за занавеску и не зашипела на спорящих.

– Все, делай что хочешь, но если не справишься, будешь выплачивать всю неустойку сама! – почти сразу же вслед за этим сдался дед.

– Деда, я тебя обожаю! – За громким поцелуем последовали быстрые шаги, и спустя еще минуту из-за ширмы показалась довольное лицо Дженни.

– Куда едем? Где пациент? Мне инструменты собрать надо, – заявила она.

– Пока никуда, вас сначала проверят, поговорят, и, если с вами не будет проблем, мы встретимся. – Я вытащил из кармана чековую книжку и выписал чек на десять гиней, протянув его ей. – Это чтобы вы понимали серьезность моей просьбы, мисс. Завтра вас вызовут, если что-то пойдет не так, эти деньги будут неплохой компенсацией за неприятный разговор.

– Хорошо. – Она удивилась, но взяла протянутый чек.

– Ван Дир?! – прочитала она мою подпись. – Вы – сын главы цеха ремесленников?!

– Да, – едва не скрипнув зубами от этого упоминания, коротко ответил я.

– Тогда надену завтра свое лучшее платье, – подмигнув мне, ответила Дженни и умчалась снова за занавеску, к нам же вышел старик.

– Прошу простить меня, уважаемые господа, у нас такого никогда не бывает. Просто от чехотки умер мой лучший помощник, так что на похоронах присутствовал весь цех, – некое было оставить в лавке, кроме моей дочери и внучки. Прошу меня еще раз простить за эту сцену.

– Ничего, сэр, мы даже получили некоторое удовольствие, – широко улыбнулся я, а когда он закашлялся, я повернулся и кивнул своим охранникам, показывая на выход.

– Мне она понравилась. Бойкая девица, – сказал я Фрэнку, садясь в машину. – Надеюсь, механик из нее такой же бойкий.

– Ох и достанется же кому-то такая жена, – покачал головой он, садясь на переднее сиденье.

Глава 5

Преступление и наказание

– Мальчишка! Да что ты о себе возомнил?! Идиот! Кретин!

Крики учителя сыпались на мою повинную голову, но осознание правильности сделанного меня не отпускало. Тем более сидящий на диване генерал о чем-то переговаривался с сэром Артуром, постоянно посматривая при этом на меня. От этого тоже становилось страшно.

– Ты поставил проект под угрозу срыва только потому, что прочитал в записях о возможности сделать полуживую конечность?! Да за одно это тебя можно под трибунал отдать!

– Но ведь получилось же, – шмыгнул носом я, поскольку, таская тело генерала из дома в экипаж и обратно, сначала вспотел, а потом простыл на холодном осеннем ветру.

– Да ты из ума выжил!!! – Сэр Энтони разозлился еще сильнее. – А если его душа отторгнет твои заплатки?! Как ты вообще до такого додумался?! Затыкать прорехи в чужой душе нейтральной эссенцией?! Хочешь, чтобы генерал умер от антирезонанса?!

– Тогда это мне казалось лучшим решением. – Я вспомнил ночь и свое чувство бессилия, страх перед поражением, когда перенесенная в протез часть души генерала не захотела срачиваться с его оставшейся в теле своей же частью, поскольку была пропущена через мою ауру и стала слегка отличаться по колебаниям от своей первоосновы. Когда началось отторжение, я запаниковал и чуть было не угробил все дело. Хорошо еще, что от прилива крови к голове вспомнил о работах одного из учеников великого мастера и, пропустив часть своей души через тело генерала, действительно грубо и топорно «сляпал» буфер между аурой его протеза и души. Даже сейчас, если взглянуть на его тело, мои «заплатки» отличались неровным зеленым цветом, чем ярко выраженная аура души и протеза.

– О мой бог, кто-нибудь, заберите его от меня, иначе я его поколочу! – Сэр Энтони взмахнул руками в воздухе, заставив меня вжать голову в плечи, но ничего не сделал и, отойдя от меня, без сил рухнул в кресло. Разнос продолжался два часа, вскрывая все опасности этой затеи, о которых я просто не думал ввиду своей неопытности.

– Генрих, ты ему хоть скажи, – простонал он.

Генерал громко хмыкнул и встал с дивана, медленно прошелся по комнате и произнес:

– Никак не могу привыкнуть к странному ощущению, что правая нога тяжелее левой, хотя ощущаю ее как родную, – проворчал он. – Конечно, Энтони, если бы я знал, что надо мной будет издеваться исповедник-недоучка и доктор-садист, я бы никогда не согласился на операцию. Ты знаешь, чего я хотел, но вот сейчас, когда я не чувствую между ногами большой разницы, кроме веса, мне трудно оформить свои мысли. Может быть, Артур, ты скажешь свое слово?

– Все участники этой «операции»... – глава тайной полиции скривился, как от большого зуба, – будут помещены под надзор. Особенно эта девчонка-механик. Где ты ее нашел вообще? Мои лучшие инженеры осмотрели протез и пришли к мнению, что ее работа гениальна! Столько необычных технических решений они еще не видели ни у кого. Я не стал их огорчать и говорить, что его создала всего лишь тринадцатилетняя девчонка-подмастерье.

Он помолчал и посмотрел сначала на меня, потом на исповедника.

– Стоит признать, сэр Энтони, что мы имеем дело с чудом. В безумном предприятии, которое придумал и реализовал ваш юный ученик, просто божьим промыслом сошлись его идеи и мастерство исповедника, гениальность механика и уникальность хирурга, который смог срастить нервы человеческого тела с золотыми проводами протеза.

«Вообще-то идея с нервами была доктора Хоккинга и Дженни, но лучше сейчас мне рот не открывать – гроза еще не миновала».

– Никто не спорит с этим, сэр Артур, – перебил его мой учитель, – но сколько рисков!!! Срыв проекта «Аргус»!!! Своей бредовой идеей он подверг риску все, что мы делаем!!! Кто теперь заменит генерала?!

– Ну, не такой уж и бредовой, судя по нашему генералу, – усмехнулся сэр Артур и неожиданно подмигнул мне. Моя дрожь унялась как по волшебству, хоть кто-то был на моей стороне.

– Вы его защищаете, Артур!!! – взбеленился сэр Энтони. – Да я таких безответственных поступков никогда не терплю от своих учеников!!!

– Энтони, спокойнее, – неожиданно для всех за меня вступился и сэр эр Горн. – Есть такое выражение «Победителей не судят», думаю, сейчас как раз такой случай.

– И ты туда же, Генрих!!! – Исповедник махнул на них обоими руками.

– Нет, конечно же, мы накажем его, – продолжил глава тайной полиции, – нужно, чтобы в следующий раз, когда в его голову придет гениальная по своей бредовости идея, он сначала посоветовался со своим наставником. Но, Энтони, я тут рассказал об этом случае императору, и знаешь, что первое он спросил у меня?

Исповедник и генерал наострили уши.

– ???

– «Он сможет это повторить?» – выдержав театральную паузу, ответил тот на немой вопрос всех присутствующих.

– Повторить?!! – не сдержался я, выдохнув вопрос за всех сразу.

– Именно.

На сэра Артура устремились три пары глаз.

– Это является государственной тайной, но у дочери императора в детстве при падении с лошади был ужасный перелом кисти, ее пришлось ампутировать, и девочка сейчас носит протез, а также перчатки на обеих руках, чтобы это скрыть. До сих пор ничего похожего на то, что я вижу, никто им не мог предложить. Так что передо мной сейчас большая дилемма. Что ответить его императорскому величеству? Вы втроем сможете повторить то, что сделали недавно?

Вспомнив все то, что я пережил во время операции, сколько страхов натерпелся, поскольку был на волосок от провала, моей первой мыслью было: «Конечно же, нет!»

Но возглас замер у меня в горле, когда голос сэра Артура приобрел оттенки металла.

– Прошу не принимать такое сложное решение в одиночку, Рэджинальд, посоветуйся со своими... *подельниками*. Благо они все сидят в одной тюрьме. Поговори со своим учителем и дай мне взвешенный ответ завтра утром.

– Тюрьме?! – возмутился я. – За что?!

– За пособничество, – отрезал глава полиции, и я понял, что сейчас не время показывать характер.

– Хорошо, сэр Артур, я обещаю подумать, но прошу выпустить Дженни и доктора. Их вины нет в случившемся, это только моя ответственность. Они не знали, в чем принимают участие.

– Судя по тщательной подготовке замысла, я в этом сильно сомневаюсь, Рэджинальд, – не поверил он мне. – Но мой ответ на твою просьбу будет зависеть от вашего ответа, так что очень хорошо подумай, прежде чем сказать «нет».

«Нужно вытащить Дженни и доктора», – сейчас это было единственной моей мыслью.

– Можно поехать сейчас, сэр Артур? Я хотел бы сразу их забрать оттуда.

Глава тайной полиции задумался.

– Сэр Артур, я прошу вас, вся вина лежит на мне, я не хочу, чтобы девочка находилась в таком ужасном месте!!! – начал закипать я.

– Я дам сопровождающего, – неожиданно согласился он, заставив мое сердце забиться чаще.

– Спасибо! Я оденусь и буду ждать на выходе! – Я встал и поспешил в свою комнату.

Сэр Артур посмотрел вслед вышедшему подростку и спросил:

– Ну, что думаешь, Энтони? Как будем его наказывать?

– Предлагаю скотобойню. Отличное и запоминающееся место, а чтобы одному не было скучно, компанию ему составят остальные соучастники.

– Использовать исповедника как самого низшего ремесленника для вытягивания душ животных?! – изумился глава. – Да ты эстет, Энтони!

– Иногда он меня просто бесит, – внезапно признался исповедник, вставая с кресла и наливая себе из графина виски. – Будет кто?

Сэр Энтони показал на другие стаканы, но мужчины отказались. Ничуть не расстроившись, он налил жидкости себе в стакан на два пальца и снова вернулся в кресло, где сделал небольшой глоток.

– Чем же? – видя, что пауза затянулась, поинтересовался военный.

– Своим видением мира! – Исповедник взмахнул стаканом, чуть взболтав напиток. – У него на все есть свое мнение. Мне иногда кажется, что для него просто не существует авторитетов, хотя его начитанности может позавидовать любой мой ученик. Возможно, именно в этом кроется проблема? Я не знаю. Он читает слишком много трудов великих людей, а ведь там полно непроверенных теорий и просто идей, которые не доводились их создателями до натуральных испытаний, как, например, и вот эта, с приращиванием механических протезов к телу человека. Наш случай на моей памяти вообще первый успешный, проведенный за последние сто лет.

Сделав глоток и посмаковав напиток, он продолжил:

– Что, если бы все провалилось? Генрих бы умер и вместо проекта «Аргус» мы получили бы просто протез с эссенцией души и мертвое тело. Кстати, у нас же нет теперь ему замены? Что с этим-то делать?

– Если он сможет провести операцию по приживлению протеза для Луизы, мы придумаем, что делать дальше. – Сэр Артур покачал головой, соглашаясь со словами собеседника. – Если же нет, нас всех ждут неприятности. Император ожидает моего ответа, так что я не отправлюсь домой, пока его не получу.

– Его ведь можно просто заставить, – удивился молчавший до этого генерал. – Почему вы не хотите использовать более простой метод убеждения? Под пытками все становятся шелковыми.

– Я думал над этим, но, проанализировав все его поступки, пришел к выводу, что тогда он перестанет быть нам лоялен. Будет делать, что мы приказываем, но с нулевой инициативой, так что сейчас бы ты, Генрих, лежал в зашитом мешке на дне могилы.

– Мне кажется, немного дисциплины ему не мешает. Ты видел, что он стал собраннее, когда стал заниматься со мной, да и стрелять стал прилично. Может, стоит на это сделать упор в его обучении? Дисциплина?

– Поверь мне, как только ты выйдешь из этого дома, он тут же забудет о всех твоих тренировках, его это не интересует.

Генерал громко хмыкнул, но промолчал. Мальчишка был действительно трудноуправляемым и соглашался делать лишь то, что сам считал нужным или правильным.

– Пока он весело проводит время на скотобойне, я поищу кающегося, – поставив пустой стакан на стол, сказал сэр Энтони. – Пусть это будет и не великая душа, но подберу что-то приличное.

– Может, имеет смысл ему самому предоставить выбор? – неожиданно предложил военный. – Вы же видите, он не хочет слепо следовать по проторенному пути, а ищет свой, так пусть и набивает шишки на нем сам, заодно и проверите, насколько он разбирается в людях.

– У нас не так много времени, чтобы ожидать его решения, – пробурчал исповедник, но по прищурившимся глазам было видно, что он обдумывает предложенную идею.

– В конце концов, предложите ему, если он сам сделает все и быстро – награду, какую он захочет, а если провалится – год делает только то, что говорите ему вы. Если он сам пообещает это, ни за что потом от своего слова не отступится. Я успел его изучить за эти месяцы.

– Что мешает ему и тебе искать кающегося параллельно? В словах Генриха есть смысл, тем более если операция с Луизой будет успешной, – поддержал здравую идею сэр Артур.

– Он ведь еще не согласился.

– Я уверен, он сразу согласится, как только увидит, в каких условиях содержатся сейчас его друзья. – Улыбка, словно трещина, пересекла невозмутимое лицо главы тайной полиции, придав ему хищное выражение.

– Так это все был спектакль, Артур? Для него? – возмутился исповедник. – Ты заранее все спланировал?

– Конечно, заодно наказал одних своих не слишком ретивых сотрудников, которые вовремя не донесли на него. – Глава тайной полиции скривился от воспоминания еще одного промаха. – Они думали, что у него карт-бланш, и не придали значения всем этим странным поездкам по госпиталям и механикам. Хотя есть и плюсы в произошедшем. Кроме всего прочего, его диверсия вскрыла пару недостатков охраны поместий, что находятся под нашим надзором. Если бы не он, а другой внутренний шпион решил положить не снотворное в еду, а яд? Поэтому я отдал приказания разделить кухню для слуг, гостей дома, а также охраны. Так что мои люди будут теперь питаться отдельно, пусть и не так сытно, как раньше, зато исключим возможность отравления.

Исповедник с генералом удивленно посмотрели на собеседника. Когда люди такого уровня признаются в собственных промахах – это дорогого стоит.

– Ладно, в принципе мы все решили, так что сперва Луиза, потом проект «Аргус», все? – чтобы разрядить обстановку, сказал сэр Энтони.

– Сначала скотобойня, – ворчливо поправил его глава полиции.

– Это само собой! Как только вернутся, всех туда сразу и отправим. Думаю, для закрепления эффекта и жить их оставим там.

– Кстати, Энтони, а что он сказал тебе в свое оправдание? Во время допроса меня больше интересовали детали его операции, а не мотивы, – неожиданно вспомнил глава полиции перед уходом. – Зачем он так рисковал, чтобы спасти нашего генерала?

– Да он так и сказал, – проворчал учитель смутьяна дня, – «я не смог бы дальше жить, если бы не попробовал его спасти для империи, ведь я знал о такой возможности».

– Да, похоже, ты был прав, – улыбнулся сэр Эр Горн, – все его беды от большого ума. Если бы не читал столько, то, возможно, и в голову бы не пришло, что можно часть человеческой души внедрить в механизм, да так, что не будет чувствоваться разница между живой и механической.

При этом он постучал ногой о пол, показывая живое доказательство своим словам.

– Надеюсь, наказание его хоть как-то заставит задуматься, – покачал головой исповедник, словно сам не верил своим словам. – Иначе я не представляю, что с ним делать дальше, если он все наши приказы будет исполнять по-своему.

Его слова заставили задуматься всех.

* * *

Я до этого момента никогда не бывал в тюрьмах, лишь слышал по рассказам полицейских, что в них несладко. Теперь же мне представилась возможность своими глазами все оценить, поскольку ехали мы в Ньюгейт – одну из старейших тюрем империи. Она весьма удачно располагалась рядом с судом Олд-Бейли, так что иногда промежуток времени между вынесением приговора и приведением его в исполнение занимал пару часов. Сейчас, конечно, смертельных приговоров выносилось очень мало по сравнению с довоенным временем, ведь война, словно гигантские жернова, требовала себе все больше и больше ресурсов. Теперь большинство приговоров по уголовным делам заканчивались словами: «Винючен. Отправить рекрутом на фронт». Только для отдельных дел делались скидки: матерых преступников сажали в тюрьму, если дело имело общественный резонанс, либо отправляли их сразу на виселицу.

Я сначала не мог понять, какой смысл тратить драгоценную эссенцию души, вешая человека, но позже изменил свое мнение: во-первых, ремесленники – не палачи, и найти того, кто массово будет приводить приговоры в исполнение, будет проблематично. А во-вторых, исчезнет эффект наказания, когда публичные казни убийц и насильников собирают толпы любопытных и заставляют думать, смотря на дергающееся в петле тело, о том, стоит ли доставать нож или пистолет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.